ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

1802 — 1876

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

ТРИДЦАТЬ-ТРЕТІЙ ГОДЪ. — КНИГА 5-я.

МАЙ, 1898.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Сост. А. Шарлеманъ

Типографія М. М. Стасюлевича, Вас. Остр., 5 л., 28.

ИСТОРІЯ, БІОГРАФІЯ, МЕМУАРЫ, ПЕРЕПИСКА, ПУТЕШЕСТВІЯ, ПОЛИТИКА, ФИЛОСОФІЯ, ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО.

КНИГА 5-я. — МАЙ, 1898.

Подписка на годъ, полугодіе и первую четверть 1898 года.
(См. подробнѣе о подпискѣ на послѣдней страницѣ обертки.)

ВОСПОМИНАНІЯ
СЕСТРЫ МИЛОСЕРДІЯ
КРЕСТОВОЗДВИЖЕНСКОЙ ОБЩИНЫ.
(1854 — 1860 гг.)

III *).

Какъ только мы пріѣхали въ Екатеринославъ, то прямо направились въ контору госпиталей. Тамъ уже былъ нашъ транспортный офицеръ. Сестры изъ Петербурга еще не пріѣхали, но квартира была намъ приготовлена, и коммиссаръ насъ туда проводилъ. Домикъ хорошенькій, нѣсколько комнатъ, столы, стулья, диваны, кровати съ тюфяками,—роскошь, отъ которой мы отвыкли, но должна признаться, что было очень пріятно разложиться и знать, что завтра не надо все это опять пихать по мѣшкамъ и садиться въ тарантасъ. Мнѣ иногда казалось, что мы никого не довеземъ, а нашъ транспортъ представлялся мнѣ въ родѣ той дѣвы-чумы, такъ поэтически описанной Мицкевичемъ, которая идетъ по селеньямъ, машетъ краснымъ покрываломъ и несетъ смерть.

Одно меня очень безпокоило и разстраивало: я надѣялась, что Н. Ив. Пироговъ, осмотрѣвъ здѣшніе госпитали, оставитъ мнѣ инструкцію, которой я могла бы руководиться, но ея не было, а въ конторѣ мнѣ сказали, что госпитали въ 23-хъ домахъ, а

---

*) См. выше: апрѣль, 511 стр.

насъ—двѣ!.. Чтò тутъ будешь дѣлать? Я рѣшила, что утро вечера мудренѣе, и, услыхавъ звонъ къ вечерни, пошла въ церковь, помолилась и легла спать.

На другое же утро я поѣхала по госпиталямъ, къ главному доктору, а потомъ познакомилась и со всѣмъ начальствомъ. Затѣмъ начались мои нескончаемыя поѣздки изъ госпиталя въ госпиталь...

Наконецъ, я получила письмо отъ своихъ родныхъ сестеръ; было очень тяжело—цѣлый мѣсяцъ не знать о нихъ ничего. Николай Ивановичъ былъ у сестры и поручилъ ей написать ко мнѣ, чтобы я обратила особое вниманіе на два госпиталя, которые были въ ужасномъ положеніи; но они теперь уже совсѣмъ не такіе, такъ какъ, благодаря Бога, транспортовъ нѣтъ нѣсколько дней, а отсюда ушло два, и арестантскія казармы къ празднику вычищены, вымыты, выбѣлены, поставлены койки, столики; больные въ казенномъ бѣльѣ, и ихъ всего съ небольшимъ сто, и нѣтъ трудныхъ. Потемкинъ домъ тоже былъ въ лучшемъ положеніи; только почти здоровые и готовые ѣхать дальше спали на полу на тюфякахъ, а другіе имѣли койки.

Какія превосходныя залы въ этомъ зданіи! Вездѣ висятъ большія люстры; все напоминаетъ таврическій дворецъ въ Петербургѣ. Я начала всякое утро объѣзжать по 6-ти, 7-ми госпиталей. Побываю на кухняхъ ихъ; помнится, было три или четыре, а въ прочіе госпитали изъ нихъ разносили. Вернувшись, пообѣдаемъ и опять куда-нибудь поѣдемъ. Надо побывать и въ прачешной, и въ покойницкихъ. Слабыхъ въ тѣхъ госпиталяхъ, чтò къ намъ поближе, начали поить чаемъ. Это исполняетъ сестра, а я все, comme une âme en peine, ѣзжу и ѣзжу изъ госпиталя въ госпиталь.

Наконецъ, 6-го января, когда я вернулась отъ обѣдни изъ богоугоднаго заведенія, я нашла сестеръ уже пріѣхавшими. Ихъ было 9 сестеръ и 1 испытуемая. Старшею была у нихъ монахиня Аполлинарія. Я очень старалась устроить ихъ какъ можно покойнѣе, удобнѣе, но уже и то было хорошо, что онѣ привыкли жить въ общихъ комнатахъ, чтò сначала очень трудно. Этотъ отрядъ былъ очень хорошо составленъ; сестры знали и понимали, на чтò онѣ идутъ; нѣкоторыя изъ нихъ получили очень хорошее воспитаніе; сестра Базина прекрасно играла на фортепіано. Всѣ очень желали поступить скорѣе на дѣло, но я предпочла, чтобы онѣ на другой день, т.-е. 6-го, только разобрались и отдохнули.

Теперь скоро устроилось болѣе правильное служеніе нашимъ больнымъ. Въ ближніе къ намъ четыре госпиталя сестры

ходили изъ нашего дома—поить больныхъ чаемъ и присмотрѣть за порядкомъ и обѣдомъ. Другія три стали постоянно ходить въ домъ Остроухова. Домъ въ три этажа; въ немъ 200 человѣкъ, всѣ перевязочные и большая часть ампутированныхъ; пришлось по сестрѣ на каждый этажъ. Двѣ сестры должны были идти еще дальше въ три госпиталя, перевязать, поить чаемъ и посмотрѣть за порядкомъ. Потомъ мы устроили такъ, что въ одномъ изъ этихъ госпиталей жила сестра Орѣхова. Также въ арестантскія казармы или, проще сказать, въ острогъ, обращенный въ госпиталь, была помѣщена одна сестра; другая пріѣзжаетъ къ ней на дежурство и привозитъ обѣдъ и все, что̀ ей нужно.

Снова было намъ много хлопотъ съ транспортами, которые опять начали приходить очень часто. Какъ только мы узнаёмъ, что ждутъ транспортъ, то я съ двумя или тремя сестрами отправлялись въ Потемкинъ домъ съ чаемъ, съ сахаромъ, съ булками, съ бѣльемъ. Но мы могли перемѣнять только самымъ слабымъ и тѣмъ, которымъ это было совершенно необходимо. Можно себѣ представить, каково было бѣлье на больныхъ, когда болѣе мѣсяца они его не перемѣняли!

Въ одинъ день, я узнала въ девятомъ часу, что транспортъ въ 280 чел. находится уже здѣсь. Мы сейчасъ же поѣхали.

Иногда кто-нибудь изъ здѣшней аристократіи или купечества присылалъ кого-нибудь съ чаемъ, чтобы напоить больныхъ, или отдавали намъ. Я познакомилась со всей здѣшней аристократіей, и надо сказать, что они принимали большое участіе въ насъ и въ больныхъ, и, несмотря на тяжелое время, къ намъ все-таки поступали пожертвованія, и вообще были очень внимательны и любезны.

Въ этотъ день, который я начала описывать, было то хорошо, что сейчасъ же пріѣхалъ главный докторъ и смотритель. Тѣ, которые были почти здоровы, отправились въ слабосильную команду. Это въ томъ же родѣ, что ныньче называютъ санитарными стоянками, а слабые распредѣлены по госпиталямъ. Въ первомъ часу залы были опять свободны.

Въ этотъ же день проѣзжалъ у насъ флигель-адъютантъ Воейковъ, которому было поручено осматривать госпитали. Надо было видѣть, какъ смущался и робѣлъ смотритель, когда я говорила съ нимъ по-французски. Онъ такъ и думалъ, что я говорю про него,—а я говорила совсѣмъ о другомъ. Этотъ же смотритель, какъ только я еще пріѣхала въ Екатеринославъ, пріѣзжалъ ко мнѣ и просилъ его пожалѣть и не писать ничего въ Петербургъ!

Скоро опять нагрянулъ новый транспортъ, около 300-тъ человѣкъ,—опять шумъ, суета. Я очень была рада увидать моего стараго знакомаго, доктора И. М. Доброва, который сопровождалъ этотъ транспортъ. Онъ остался при здѣшнихъ госпиталяхъ и былъ докторомъ сестеръ, которыя уже начинали расхварываться, и моимъ, такъ какъ я потомъ занемогла крымской лихорадкой. Ѣздила я также съ смотрителемъ въ Мандрыковку, гдѣ была расположена слабосильная команда. Въ саняхъ, по ужасной грязи, насилу мы туда доѣхали. Селеніе большое, расположено очень живописно по неровному склону большой горы, которая спускается къ Днѣпру; надо было то спускаться, то подниматься. Были мы на кухнѣ, пробовали хлѣбъ. До просухи туда невозможно ѣздить, да вѣдь это и не входитъ въ мои непремѣнныя обязанности. Начала я съ половины января получать разныя письма—три милѣйшихъ письма отъ Ек. Ал. Хитрово; еще получила письмо отъ Эдиты Ѳедоровны Раденъ, съ собственноручной припиской великой княгини, разумѣется—по-французски. Вотъ эти нѣсколько словъ:

„J'ajoute quelques lignes pour vous dire combien je vous remercie d'être restée dans l'Община que vous avez honorée et soutenue par votre zèle, courage et vos soins intelligents. Votre soeur désirait vivement votre retour, c'est pourquoi je n'osais guère vous faire d'instances. A présent qu'elle accepte votre résolution avec calme, j'en suis ravie. Que Dieu vous soutienne et vous conserve à l'oeuvre que je voudrais léguer un jour aux âmes miséricordieuses et courageuses—на русской землѣ".

(„Я присовокупляю нѣсколько строкъ, чтобы сказать, какъ я благодарна вамъ за то, что вы остались въ Общинѣ, которой вы оказали честь и поддержку вашимъ усердіемъ, вашею бодростью и вашими разумными заботами. Ваша сестра очень желала вашего возвращенія, вотъ почему я не смѣла настаивать. Теперь, разъ она принимаетъ ваше рѣшеніе—я въ восторгѣ. Да поддержитъ васъ Богъ и да сохранитъ Онъ васъ для того дѣла, которое я желала бы завѣщать милосердымъ и отважнымъ душамъ на русской землѣ".)

Получила я и письмо отъ Николая Ивановича,—первое съ тѣхъ поръ, какъ я здѣсь. Имъ было оставлено въ Екатеринославѣ мнѣ наставленіе, но по разнымъ безтолковымъ стеченіямъ обстоятельствъ оно попало въ Симферополь, и я его только тамъ отыскала въ бумагахъ. Послѣднее письмо отъ Екатерины Александровны меня очень обрадовало. Про симферопольскіе госпитали она пишетъ, что все у нихъ идетъ очень хорошо, что

сестры изъ бараковъ переведены въ госпиталь, который въ домѣ губернскаго правленія. Тамъ 500 человѣкъ ампутированныхъ и раненыхъ; тамъ же кухня, гдѣ готовится столъ на 1.700 чел. Тамъ сестры дежурятъ, принимаютъ говядину и наблюдаютъ за всѣмъ. И это пошло очень хорошо. Радуется, что больныхъ сестеръ только двѣ, и тѣ не опасны; пишетъ, что Вас. Ив. Тарасовъ скоро поѣдетъ въ отпускъ. А меня проситъ, какъ милости, какъ одолженья, ѣхать въ Николаевъ, водворить порядокъ въ морскомъ и сухопутномъ отдѣленіяхъ. „Какое бремя вы сняли бы съ моей души"!—писала она.

Тамъ было много сестеръ, присланныхъ Екатериной Александровной прямо изъ Одессы. Въ письмѣ Эд. Ѳ. Раденъ, съ припиской вел. княгини, говорится, что великая княгиня желаетъ, чтобы я ѣхала устроить новое отдѣленіе сестеръ въ Бериславѣ. А вотъ что̀ писалъ мнѣ Н. Ив. Пироговъ.

Привожу его письмо цѣликомъ:

„Почтеннѣйшая сестра Екатерина Михайловна! Военное начальство желаетъ имѣть сестеръ въ различные госпитали южной арміи. Великая княгиня рѣшила послать 22 сестры только въ слѣдующіе 4 госпиталя: въ Вознесенскъ (5 сест.), въ Тульчинъ (5), Новоодесскъ (5), въ Одессу (7). Вы же писали, отъ 2-го января, что есть много желающихъ вступить въ общину. Этимъ нужно воспользоваться, и ея императорское высочество поручила мнѣ написать вамъ, чтобы вы принимали сестеръ на слѣдующихъ условіяхъ.

„Первый мѣсяцъ онѣ должны оставаться въ своемъ платьѣ и бѣльѣ. Черезъ мѣсяцъ получаютъ платье и бѣлье общины. По крайней мѣрѣ одинъ годъ онѣ должны оставаться на испытаніи безъ креста, занимаясь подъ руководствомъ старшихъ сестеръ въ госпиталяхъ и живя общиною.

„Черезъ годъ получаютъ крестъ, а нѣкоторыя отличившіяся или же извѣстныя *доскональнo* своей ревностью, хорошимъ поведеніемъ, образованіемъ и пр.,—и прежде того. Желающія поступить изъ высшаго сословія по влеченію или по внутреннему призванію составляютъ, разумѣется, исключеніе изъ этого правила. Такъ какъ трудно найти разомъ 22 надежныхъ сестры для госпиталей, отдаленныхъ отъ центра общины, то, очевидно, лучше снабдить ихъ по крайней мѣрѣ такими женщинами, которыя — въ случаѣ неудачнаго выбора—не могли бы запятнать общину, не нося еще на себѣ ея высокаго символа и не будучи еще, слѣдовательно, настоящими сестрами. Наберите такихъ 10 или 12; остальныя

будутъ присланы въ Москву изъ петербургской общины; набравъ, оставьте ихъ въ екатеринославскихъ госпиталяхъ подъ надзоромъ тамошней старшей сестры (которую хочетъ выслать Е. А. Хитрово; это, кажется, будетъ Башмакова), а сама отправьтесь, по вашему желанію, въ Москву, гдѣ найдете и остальныхъ 10 или 15 (которыя будутъ посланы изъ Петербурга туда); повидавшись съ вашими почтенными родственниками, отвезите этихъ 10 или 15 сестеръ опять въ Екатеринославъ, возьмите здѣсь и остальныхъ 10, которыя покуда пріучатся къ госпитальнымъ занятіямъ, и развезите ихъ въ сказанные 4 госпиталя: Тульчинъ, Новоодесскъ, Одессу и Вознесенскъ, и помѣстите въ нихъ, слѣдуя извѣстнымъ вамъ взглядамъ о цѣли и направленіи общины. Это, кажется, будетъ сообразно вашему желанію: вы желали (въ письмѣ, отъ 2-го января ко мнѣ) отдохнуть немного и повидаться съ родственниками вашими въ Москвѣ, и вмѣстѣ съ тѣмъ побывать съ сестрами и въ другихъ госпиталяхъ. Ваша опытность, вашъ справедливый и высокій взглядъ на цѣль и направленіе общины служатъ залогомъ, что вы поставите и новыя отдѣленія на хорошую ногу и будете тѣмъ полезны ей; вы же можете опредѣлить и выборъ старшихъ сестеръ для этихъ отдѣленій.

„Займитесь этимъ дѣломъ съ свойственной вамъ ревностью; вы видите, что обстоятельства требуютъ раздѣленія общины на множество отдѣленій, контроль которыхъ дѣлается все труднѣе и труднѣе; безъ содѣйствія опытныхъ и ревностныхъ сестеръ, какъ вы, община легко можетъ уклониться отъ предназначенной цѣли; итакъ, примитесь съ Богомъ за дѣло вамъ уже извѣстное; результатъ будетъ тогда несомнѣнный, только не оставайтесь долго въ Москвѣ.

„Въ Екатеринославѣ вы вѣрно еще дождетесь кн. Долгорукова, назначеннаго на мѣсто гр. Велигорскаго, и съ нимъ можете также переговорить о дѣлахъ общины; онъ человѣкъ благомыслящій и доброжелающій. Прощайте, храни васъ Богъ! Вамъ преданный отъ души Н. Пироговъ".

18 января. 1856. С.-Петербургъ.

Вотъ во сколько разныхъ мѣстъ меня вдругъ посылаютъ. Стóитъ о чемъ задуматься! Какъ рѣшить? Но первое, чтò я рѣшила — это оставаться на мѣстѣ. Хотя Николай Ивановичъ и пишетъ: „...вы поставите новыя отдѣленія на хорошую ногу",— но я находила, что и мое екатеринославское отдѣленіе очень прихрамываетъ, а браться за новыя—куда страшно! Къ тому же въ это время сестры начали болѣть; три или четыре, не помню

навѣрное, лежали въ тифѣ. Итакъ, я рѣшилась ждать съ сѣвера кн. Долгорукова, а съ юга—доктора Тарасова, поговорить съ ними хорошенько и тогда рѣшить, что̀ нужнѣе и что̀ надо дѣлать. Но пока я такъ разсуждала, по волѣ Господа все рѣшилось иначе, къ великому нашему горю!

Пріѣхалъ кн. Долгоруковъ, былъ очень любезенъ, но ничего особеннаго и положительнаго отъ него я не узнала. Еще въ 20-хъ числахъ января, я получила письмо отъ сестры Медвѣдевой, которая мнѣ писала, что Ек. Алекс. не совсѣмъ здорова, но это меня еще не очень испугало; я все думала:—она уже давно въ сестрахъ, была при госпиталяхъ, поэтому уже обтерпѣлась! Но въ первыхъ числахъ февраля я получила отъ В. И. Тарасова письмо, отъ 24-го янв., въ которомъ онъ мнѣ пишетъ, что Ек. Алекс. занемогла 12-го янв., что у нея тифъ съ пораженіемъ мозга; но онъ даетъ маленькую надежду, такъ какъ пишетъ, что она въ этотъ день его узнала.

Но обманула насъ эта надежда! Я сама въ это время слегла въ постель отъ крымской лихорадки и получила, не помню какого числа, въ постели несчастное письмо, отъ 3-го февр., что 2-го, въ день Срѣтенія, Екатерина Александровна скончалась. Боже мой! За что Богъ лишилъ общину такой примѣрной сестры милосердія, умной, воспитанной, доброй, снисходительной, истинной сестры милосердія! Больше я такой не встрѣчала!

Я получила очень короткое письмо отъ Тарасова; они тамъ всѣ въ отчаяніи, а ея помощница, Елиз. Петр. Карцева, которая во время ея болѣзни управляла общиной, лежитъ въ тифѣ, такъ что докторъ Тарасовъ по необходимости остался во главѣ симферопольскаго отдѣленія. Я ему писала въ полной надеждѣ, что Елиз. Петр. поправится; я находила, что она вполнѣ можетъ занять мѣсто Екатерины Александровны.

Совсѣмъ не помню, что̀ я писала, но вижу по его отвѣту, что именно я ему писала о ней. Онъ же мнѣ пишетъ, что на это будетъ мнѣ отвѣчать откровенно и безъ затрудненія. Отдавъ полную справедливость всѣмъ качествамъ сестры Карцевой, онъ пишетъ, что, несмотря на всѣ ея достоинства, она не можетъ и не хочетъ быть пастыремъ нашего стада... И кончаетъ такъ: „Итакъ, съ теплой вѣрой въ Бога и упованіемъ на Его всемогущество и милосердіе, принимайте тяжелый крестъ правленія. Елизавета Петровна поправляется и проситъ васъ тоже принять эту должность“.

Прежде еще этого отвѣта, я получила письмо отъ Николая Ивановича, такое письмо, какія онъ умѣетъ писать и на кото-

рыя il n'y a pas de réplique, и приписку отъ великой княгини. Вотъ это письмо.

1856, февр. 9. С.-Петербургъ.

„Почтеннѣйшая сестра Екатерина Михайловна. Община, которая столь многимъ обязана вашему усердію, находится теперь, по смерти нашей незабвенной настоятельницы, опять безъ руководителя. Сестра Карцева, которая подавала столько надеждъ, также лежитъ больная въ тифѣ.

„Все, что̀ нашими общими усиліями удалось ввести въ общину для направленія ея къ высокой цѣли, можетъ легко и невозвратно исчезнуть. Вы остались еще одна въ настоящее время изъ всѣхъ, которая можетъ поддержать истинное значеніе общины и руководить ею предположеннымъ и извѣстнымъ вамъ путемъ.

„Отъ имени ея высочества, высокой покровительницы благого дѣла, я предлагаю и даже *требую* отъ васъ, какъ *святого долга: возьмите на себя управленіе общиною*. Не отговаривайтесь и не возражайте; здѣсь скромность и недовѣріе неумѣстны; забудьте на время всѣ ваши частныя отношенія для общаго дѣла. Я вамъ ручаюсь, вы теперь необходимы для общины какъ настоятельница. Вы знаете ея назначеніе, вы знаете сестеръ; вы знаете ходъ дѣлъ; у васъ есть и благонамѣреніе, и энергія. Ваши недостатки вы знаете лучше меня, а кто хорошо себя знаетъ, для того это знаніе лучше совершенства. Вы знаете также, какъ я васъ уважаю и люблю, знаете также мою привязанность къ общинѣ, и потому я увѣренъ, что мое предложеніе будетъ вами принято безпрекословно. Не время много толковать—дѣйствуйте. Ея императорское высочество желаетъ, чтобы вы, принявъ на себя званіе настоятельницы и управленія общиною, *какъ можно скорѣе пріѣхали сначала къ намъ въ С.-Петербургъ* на короткое время, а потомъ бы уже отправились также для короткаго, такъ вами желаннаго, отдыха въ Москву. Но ради Бога не медля и рѣшительнѣе! Рѣшительности, впрочемъ, васъ учить не мнѣ. Итакъ, съ Богомъ, почтенная Екатерина Михайловна, пріѣзжайте скорѣе сюда. Спѣшите. Васъ искренно уважающій Н. Пироговъ".

Собственноручная приписка великой княгини Елены Павловны:

„Ma chère Екатерина Михайловна!

„Voulez-vous me consoler moi et l'Община de la perte immense que nous avons faite? Voulez-vous accepter la charge difficile de la настоятельница pour cette année? Vous êtes la seule qui puissiez y être appelée par votre caractère, les services que vous avez rendus, l'esprit de l'institution que vous con-

naissez et que vous partagez, la connaissance enfin des sœurs, des autorités, des rouages de l'administration en général. Je me dis que si vous vous rendez à ma prière, vous aurez le courage de remplir cette vocation dans toute son acception. La tâche est sérieuse puisqu'il s'agit non seulement de soi, mais de la conduite de tant d'éléments différents dans un esprit d'unité, d'humilité, d'énergie, d'ordre et d'amour chrétien. Tout cela ne vous est point inconnu. Je m'adresse à votre cœur pour le pratiquer en faveur de nos sœurs, de cette Община si éprouvée, si courageuse et si bénie. Répondez-moi de suite et venez à Moscou et de là ici, avant de retourner à votre poste. Que Dieu vous aide, vous inspire et vous fortifie.—Hélène".

(„Моя дорогая Екатерина Михайловна! Хотите утѣшить меня и Общину въ той громадной потерѣ, которую мы понесли? Согласитесь ли взять на себя трудную обязанность настоятельницы на этотъ годъ? Вы—единственная, которая можетъ быть призвана на это по вашему характеру, по тѣмъ услугамъ, какія вы оказали, по духу учрежденія, который вы знаете и раздѣляете, знанію, наконецъ, сестеръ, властей и всего административнаго хода дѣла. Я говорю себѣ, что если вы исполните мою просьбу, у васъ хватитъ мужества исполнить это призваніе во всей его полнотѣ. Задача серьезная, такъ какъ дѣло идетъ не только о себѣ, но и о веденіи столькихъ различныхъ элементовъ въ духѣ единства, смиренія, энергіи, порядка и христіанской любви. Все это вамъ не чуждо. Я обращаюсь къ вашему сердцу, чтобы приложить его къ сестрамъ, къ этой Общинѣ, столь испытанной, столь неустрашимой, столь благословляемой. Отвѣтьте мнѣ сейчасъ и поѣзжайте въ Москву, а оттуда сюда, прежде чѣмъ вернуться къ своему посту.

„Да поможетъ вамъ Богъ, да вдохновитъ Онъ васъ и да подкрѣпитъ.—Елена".)

У насъ уже шли слухи о мирѣ, и я думала, что мнѣ не надолго надо будетъ принять эту трудную и тяжелую обязанность. Я бы сейчасъ должна была ѣхать, и очень этого желала. Иныя сестры поправились, только была еще въ очень опасномъ положеніи милѣйшая сестра Зинеида Крокъ, которая за мной такъ усердно ходила, когда я лежала въ лихорадкѣ. Вѣдь крымская лихорадка—не то, что наша: пароксизмъ за пароксизмомъ слѣдуетъ послѣ 10, 15 минутъ промежутка.

Въ это время я уже встала съ постели, ходила къ боль-

нымъ сестрамъ, но докторъ Добровъ и слышать не хотѣлъ, чтобы я выѣхала изъ дому.

Мы уже прежде получили отъ великой княгини 22 тюка съ разнымъ бѣльемъ, бинтами и компрессами, такъ что могли въ нѣкоторыхъ госпиталяхъ одѣть больныхъ въ новое, хорошее бѣлье и тоже перемѣнять тѣмъ, которые пріѣзжали въ транспортахъ и очень въ немъ нуждались, а въ это время мы получили бѣлье отъ Императрицы. Надо было его разобрать и отдѣлить часть, чтобы послать въ Никополь, гдѣ въ госпиталяхъ очень нуждались въ бѣльѣ. Я посылала сестеръ хлопотать и устроить его отправку туда, а сама только разбирала, отдѣляла и укладывала у насъ въ залѣ. Отъ того ли, что вся зала была имъ завалена и оно было сыро и холодно, или это всегда такъ бываетъ, что лихорадка возобновляется черезъ 10, 14 дней, но мнѣ опять пришлось пролежать дней десять.

Въ это время проѣхали изъ Симферополя нѣкоторыя сестры моего третьяго и четвертаго отдѣленія, которымъ годовой срокъ тоже кончился, и которыя не пожелали оставаться долѣе. Съ ними пріѣхала Дуня Алексѣева, которую я оставила у себя, чтобы самой привезти ее въ Петербургъ (она мнѣ была поручена великими князьями въ Севастополѣ), а теперь ее брала къ себѣ въ камеръ-юнгферы великая княгиня Александра Петровна. Сестры сказали мнѣ, что сестра Ел. П. Карцева совсѣмъ поправилась, что очень больныхъ сестеръ нѣтъ, что туда должны скоро пріѣхать новыя десять сестеръ изъ Петербурга.

Наконецъ, 10-го марта, несмотря на уговариванія доктора, я выѣхала. И какъ я хорошо сдѣлала, что настояла на своемъ; меня именно пугалъ Днѣпръ, который уже очень синѣлъ, и я должна была переѣхать его съ большими предосторожностями. Тарантасъ везли на одной лошади, другихъ вели въ разсыпную. Я съ Дуней ѣхала на маленькой телѣжкѣ въ одну лошадь. Возлѣ шелъ какой-то полицейскій офицеръ и четыре лоцмана съ баграми; они стучали ими по льду и указывали, куда лучше ѣхать. А полицейскій нашелъ самое лучшее занимать насъ такими сообщеніями: „Вотъ осенью ледъ трещитъ, а весной онъ такъ вдругъ и опустится“!

Однако, слава Богу, мы проѣхали благополучно. Къ вечеру Днѣпръ прошелъ. Несмотря на мое сильное желаніе быть скорѣй въ Москвѣ, мнѣ пришлось провести двѣ ночи въ Харьковѣ, во-первыхъ, потому что я такъ устала, что, доѣхавъ туда, думала, что опять слягу, а во-вторыхъ, мнѣ надо было отыскать одну дѣвочку сироту, воспитанницу сестры Селивановой, которую ве-

ликая княгиня помѣщала въ елизаветинскій институтъ. Несмотря на то, что я не имѣла прямого адреса, я ее скоро отыскала и взяла съ собой.

И тутъ мы ѣхали безостановочно, хотя и по очень дурной дорогѣ; 10-го марта я имѣла счастіе увидать сестеръ и брата. Всякій можетъ легко себѣ представить, какая это была блаженная минута—увидаться послѣ такой длинной разлуки (годъ и три мѣсяца, и семь мѣсяцевъ изъ этого времени были проведены въ Севастополѣ)!

Не долго я оставалась въ Москвѣ; 24-го, вмѣстѣ съ сестрой, которая и лѣтомъ жила у великой княгини и въ Ораніенбаумѣ, и на Каменномъ Островѣ, и теперь тоже была приглашена, мы пріѣхали въ Михайловскій дворецъ, въ тѣ же комнаты, изъ которыхъ я поѣхала въ Крымъ.

Великая княгиня сейчасъ же приняла меня и, прикалывая мнѣ севастопольскую медаль, сказала: qu'elle est bien aise de pouvoir le faire.

25-го было объявлено, что миръ заключенъ. Разумѣется, еще не знали грустныхъ условій парижскаго мира; впрочемъ, не знаю, что касается меня, занимало ли бы меня и чувствовала ли бы я что-нибудь другое, кромѣ того, что война кончилась, что не будутъ стоять люди, да еще христіане, другъ противъ друга и стараться какъ можно болѣе нанести вреда одинъ другому! И какъ это искажаетъ всѣ чувства! Я и на себѣ это испытала, и, читая отчетъ французскаго доктора, который былъ въ Добруджѣ: „Enfin la paix est venue mettre un terme à nos calamités“ [1]),—я не пожалѣла, а обрадовалась, что и имъ было не лучше нашего.

Я вполнѣ согласна съ гр. Львомъ Николаевичемъ Толстымъ, что это гадко, безнравственно, не по-христіански; но вотъ въ чемъ я никогда съ нимъ не соглашусь: я считаю, что я должна была сопротивляться всѣми средствами и всѣмъ моимъ умѣньемъ злу, которое разные чиновники, поставщики и пр. причиняли въ госпиталяхъ нашимъ страдальцамъ; и сражаться, и сопротивляться этому я считала и считаю и теперь священнымъ долгомъ.

Я почти хотѣла остановиться на моемъ пріѣздѣ въ Петербургъ; но такъ какъ, начиная, я хотѣла именно описать трудное начало и труды общины, то и рѣшаюсь продолжать, хотя теперь мнѣ это будетъ гораздо труднѣе. Кромѣ только моей поѣздки во

[1]) Наконецъ, миръ явился положить конецъ нашимъ бѣдствіямъ.

всѣ госпитали, во время которой я писала къ сестрѣ, эти письма могутъ мнѣ многое припомнить. Но когда я совсѣмъ вернулась въ общину въ Петербургъ, то я просила позволенія у великой княгини, чтобы сестра моя жила со мной, но на свой собственный счетъ, и я мало тогда къ кому писала. И теперь мнѣ приходится все вспоминать и, можетъ быть, нѣсколько смѣшать иныя событія; но буду стараться избѣгать этого.

Итакъ, рѣшаюсь хотя вкратцѣ описать, какъ устроивалась община, какъ трудились сестры до самой той минуты, когда я съ сокрушеннымъ сердцемъ, но по собственной волѣ оставила общину...

Знаю, что тамъ многое перемѣнилось въ управленіи, но, надѣюсь, не въ направленіи, которое было дано великой княгиней Еленой Павловной и Николаемъ Ивановичемъ Пироговымъ. Знаю, что сестры подвизались и въ Черногоріи, и въ Сербіи, и въ Болгаріи, и въ Ташкентѣ, и очень желаю, чтобы кто-нибудь продолжалъ мой слишкомъ безъискусственный разсказъ, и описалъ бы намъ живо всѣ дѣйствія и труды Крестовоздвиженской общины, въ которой я всегда принимала большое участіе.

Продолжаю мой разсказъ. Не помню, когда именно, но думаю, что на другой день моего пріѣзда, т.-е., въ Благовѣщеніе, вдругъ въ церкви, подъ конецъ обѣдни, не бывъ предупрежденной, я увидала, что священникъ вышелъ и повернулся ко мнѣ, имѣя въ рукахъ крестъ нашей общины, только нѣсколько побольше. Но у меня было одно чувство: я не хотѣла разстаться съ тѣмъ крестомъ, который былъ на мнѣ въ Севастополѣ и столько разъ былъ обрызганъ кровью нашихъ страдальцевъ. Я громко сказала, что не могу разстаться съ моимъ крестомъ.

Великая княгиня очень любезно мнѣ отвѣчала:

— Не снимайте, но надѣньте и этотъ.

Итакъ, я вышла изъ церкви въ двухъ крестахъ: въ своемъ и въ болѣе тяжеломъ и физически, и морально—крестѣ сестры-настоятельницы. Этотъ послѣдній я оставила въ общинѣ, но мой севастопольскій крестъ и теперь всегда на мнѣ,—разумѣется, подъ платьемъ.

Вѣдь и оставляя общину, я давала себѣ обѣщаніе оставаться сестрой милосердія; но какъ я часто и тяжело испытала на себѣ справедливость пословицы: одинъ въ полѣ не воинъ!

Быстро промелькнулъ мѣсяцъ, который я провела въ Петербургѣ; видѣла своихъ родныхъ, знакомыхъ; отъ всѣхъ былъ самый дружескій, радушный пріемъ.

Пріѣхали мы съ сестрой къ Глинкамъ; они даже не знали, что я вернулась. Черезъ полчаса, Глинка вышелъ со стихами ко мнѣ.

Вотъ эти стихи, которые еще не были, кажется, нигдѣ напечатаны:

Привѣтъ поэта сестрѣ милосердія.

Тамъ, гдѣ синею волною
Омывался виноградъ,
Гдѣ подъ южною луною
Склоны каменныхъ громадъ
Осѣнялъ чинаръ и тополь,
Гдѣ фосфоръ горитъ въ волнахъ,
Гдѣ могучій Севастополь
Красовался на скалахъ,—
Загремѣло вдругъ войною,
За ударомъ шелъ ударъ,
И за дымной пеленою
День и ночь кипѣлъ пожаръ;
И чугуннымъ градомъ бомбы
Разражались на бойцовъ!..
Погреба и катакомбы
Лишь дѣтей и стариковъ
Ненадежно прикрывали...
А родные намъ полки,—
На стѣнахъ,—стѣной стояли,
Вѣря въ Бога и штыки...
Но теперь тѣ стѣны,—гдѣ вы?
Смылъ все брани ураганъ!!..

Тамъ-то смерти праздникъ данъ.
Тамъ хлестала кровь изъ ранъ!..
Но дружина женъ и дѣвы,
Обручась крестомъ златымъ
Съ милосердіемъ святымъ,
Шли на гибель, не блѣднѣя,
И несли фіалъ елея
И сердечную слезу
Въ неисходную грозу...
И вотъ одна, пройдя тотъ путь кровавый,
Явилась къ намъ въ вѣнцѣ Христовой славы
И, отгостивъ на огненномъ пиру,
Изъ міра бурь пришла на миръ въ столицу.
Привѣтимъ же *Бакунину* сестрицу
И милосердія привѣтимъ въ ней сестру!

Понедѣльникъ вечеръ
26 марта 1856 г.

Я часто видала Николая Ивановича; сколько было разговоровъ, предположеній, плановъ и сколько неосуществившихся грезъ,—по крайней мѣрѣ для меня!..

Имѣла я тоже счастіе видѣть Государя и Государыню: разъ, когда я сидѣла у великой княгини, пришли ей доложить, что Ихъ Величества пріѣхали. Она меня удержала и представила. Государь благодарилъ меня за мой христіанскій подвигъ, а Государыня съ участіемъ спрашивала, какъ мои нервы могли это выдержать. Тутъ я имѣла возможность разсказать Государю о грустномъ и тяжеломъ положеніи нашихъ транспортовъ.

Онъ отвѣчалъ мнѣ на это: „Успокойтесь, транспортовъ больше не будетъ".

А придя въ свою комнату, я нашла письмо отъ доктора Тарасова, въ которомъ онъ пишетъ, что опять стали готовить транспорты. Я сейчасъ отнесла это письмо великой княгинѣ, а она сообщила Императору.

Была я раза два въ домѣ, гдѣ живутъ испытуемыя; это не то общія квартиры, не то пансіонъ, но ужъ никакъ не община. Еще была въ морскомъ калинкинскомъ госпиталѣ, гдѣ уже находятся на службѣ четыре сестры Крестовоздвиженской общины.

Съ перваго взгляда онѣ мнѣ очень понравились.

Еще мнѣ сказали, что одно отдѣленіе въ 10 сестеръ съ старшей сестрой Марьей Ивановной Алексѣевой (это была предобрая и премилая сестра) поѣхали въ Симферополь. Должно быть, мы съ ними разъѣхались ночью. Еще поѣхалъ отрядъ сестеръ въ Тульчинъ, когда я уже была въ Петербургѣ, и мы съ Эдитой Ѳедоровной Раденъ собирались ихъ проводить, и по очень глупому недоразумѣнію намъ это не удалось: карета, которая должна была подъѣхать къ моему подъѣзду, подъѣхала и стояла у подъѣзда великой княгини Екатерины Михайловны. И когда мы все узнали и исправили ошибку, то такъ опоздали, несмотря на то, что очень спѣшили, что только слышали свистъ —и поѣздъ умчался. Мнѣ было это очень досадно.

Въ 1856 году пасха была 15-го апрѣля, и мы съ сестрой могли удобно и спокойно говѣть, встрѣтить и вмѣстѣ провести праздники, а 24-го мы съ ней уѣхали, она—чтобы остаться въ Москвѣ, а я—чтобы ѣхать далѣе.

Передъ отъѣздомъ я получила слѣдующій рескриптъ отъ великой княгини Елены Павловны:

„Екатерина Михайловна! Вполнѣ цѣня высокія нравственныя качества ваши, столь блистательно выказанныя во время осады Севастополя, я избрала васъ на сей годъ сестрой-настоя-

тельницей Крестовоздвиженской общины, и поручаю вамъ вступить нынѣ же въ исправленіе вашей должности. Вмѣстѣ съ симъ возлагаю на васъ во время самаго слѣдованія въ Крымъ обревизовать расположенныя на пути отдѣленія общины и поручаю вамъ все замѣченное предложить на разсмотрѣніе и обсужденіе комитета общины.

„Помощь и благословеніе Господни да будутъ съ вами при исполненіи обязанностей новой должности вашей. Пребываю къ вамъ благосклонная—Елена".

23 апрѣля 1856 г.

Изъ Петербурга я взяла сестру Е. А. Королеву, которая была сестрой въ финляндскомъ отрядѣ; онѣ были въ Гельсингфорсѣ, и во время бомбардировки Свеаборга отлично тамъ работали. Сестра Королева—прекрасная сестра и до сихъ поръ подвизается на этомъ поприщѣ, была и въ Черногоріи, и въ Болгаріи, и, какъ мнѣ говорили, въ ахалтекинскомъ походѣ.

Еще я взяла испытуемую Бѣляеву. Пробывъ въ Москвѣ три дня, я отправилась съ ними далѣе. Мы везли разныя вещи, часы, перстни отъ великой княгини для подарковъ тѣмъ, кто помогалъ сестрамъ и оказывалъ разныя услуги въ трудныхъ случаяхъ или болѣзняхъ.

1-го мая, мы пріѣхали въ Харьковъ; дорога и погода были великолѣпныя, весна во всей красѣ. А когда мы выѣхали изъ Петербурга, то по краямъ дороги лежалъ снѣгъ. Въ Москвѣ уже были маленькіе листочки на кустахъ, но здѣсь уже все цвѣло, фруктовыя деревья были покрыты бѣлыми цвѣтами, а яркая зелень другихъ деревьевъ такъ и блистала на солнцѣ.

Мы остались дня два, посѣтили всѣ госпитали. И вотъ, мнѣ живо вспомнилось одно отдѣленіе, почти за городомъ, прекрасный зеленый густой садъ, свѣжій, здоровый воздухъ. Но что̀ за ужасные тутъ были больные! Это все были цынготные и уже сильно пораженные этой тяжелой и мучительной болѣзнью. Грустно это вспомнить! Но много такихъ я находила и въ другихъ госпиталяхъ.

Въ Екатеринославѣ я осталась съ сестрами дней пять. Мнѣ было очень досадно: я только на дорогѣ на станцію встрѣтила кн. Голицыну, которая и пріѣхала въ Екатеринославъ послѣ моего отъѣзда, и уѣхала прежде, чѣмъ я пріѣхала. А я очень желала съ ней познакомиться: мнѣ разсказывали, что она была очень усердной сестрой.

Больныхъ въ госпиталяхъ было уже менѣе, а многіе были и совсѣмъ закрыты.

Въ Екатеринославѣ я оставила сестру Бѣляеву, которую назначила съ другой сестрой въ Никополь, а взяла съ собой Базину въ Симферополь.

Мы остановились въ Никополѣ, обошли всѣ эти несчастные домики или, лучше сказать, избушки, въ которыхъ помѣщается 4 или 5 больныхъ. Уходъ при такомъ размѣщеніи очень затруднителенъ, много ходьбы. Однако, такъ какъ все идетъ къ уменьшенію больныхъ, то двухъ сестеръ будетъ довольно. Но надо было хлопотать, чтобы и сестрамъ отвели квартирку.

Потомъ еще останавливалась въ Бериславѣ, гдѣ были четыре сестры, присланныя изъ Херсона; одна изъ нихъ, Фокина, была очень хорошая и милая сестра; онѣ жили дружно, усердно работали, и ими были очень довольны.

Теперь Днѣпръ мы переѣхали на баркасѣ, что̀ было очень пріятно.

Въ Перекопѣ все было по старому, и было занято еще 12 нумеровъ, но при насъ же въ этотъ день выписалось изъ палатокъ совсѣмъ здоровыми 190 человѣкъ.

Наконецъ, 14-го мая, я пріѣхала въ Симферополь. Слава Богу, я нашла сестеръ въ очень хорошемъ положеніи. Были нѣкоторыя не совсѣмъ здоровы, но не въ опасности. Елиз. Петр. Карцева давно совершенно поправилась и завѣдывала и распоряжалась служеніемъ сестеръ. Сестры были въ лагерѣ, гдѣ было до 1.600 больныхъ въ это время.

Въ Симферополѣ, мнѣ говорили, было всего до 5.000 больныхъ, и сердобольныя оставались безъ дѣла. Сестры въ городѣ также занимаются во многихъ госпиталяхъ, но говорили, что скоро всѣ больные будутъ переведены въ лагерь, а дома̀ будутъ очищаться, или, какъ нынче говорятъ, дезинфицироваться.

Гробъ Екатерины Александровны еще не могъ быть отправленъ въ Одессу, такъ что я поѣхала сейчасъ же на кладбище, гдѣ онъ стоялъ въ маленькой часовнѣ, и могла помолиться. Ахъ, какъ было грустно и тяжело!..

Но, вотъ, можно сказать, что не было времени предаться грусти, такъ много было теперь дѣла и хлопотъ,—не того дѣла, которое я любила, т.-е. ухаживать и находиться при больныхъ, а дѣлъ администраціи: то надо писать въ Петербургъ, то въ то, то въ другое отдѣленіе сестеръ, то получать разныя письма и требованія, удовлетворять, отвѣчать всякому и т. п.

Въ это время сестры были въ двѣнадцати мѣстахъ, а въ

Николаевѣ, какъ мнѣ помнится, не было общаго управленія, и каждое отдѣленіе при особомъ госпиталѣ дѣйствовало совершенно самостоятельно.

А между тѣмъ хотя я и избѣгаю говорить о разныхъ мелкихъ неустройствахъ, но не могу сказать, чтобы ихъ не было. Многія сестры не понимали совершенно, что̀ такое должна быть община, и какъ должны себя держать сестры. Меня очень удивило, какъ В. И. Тара̀совъ такъ умѣлъ себя поставить и ладить съ сестрами, что всѣ отзывались о немъ съ величайшей похвалой, даже извѣстныя сплетницы и разсказчицы ничего противъ него не говорили.

А вѣдь были между ними престранныя и пренаивныя. Напримѣръ, разъ одна сестра, пріѣхавшая только въ августѣ на Бельбекъ, приходитъ ко мнѣ, очень таинственно запираетъ дверь (а это всегда испугаетъ, боишься какой-нибудь исторіи) и спрашиваетъ:—Ужели намъ не дадутъ медали?

Я отвѣчаю:—Нѣтъ, дадутъ; вы ее вполнѣ заслужили. (Это серебряныя большія медали, которыя давала великая княгиня не для ношенія, а на память сестрамъ и тѣмъ, кто содѣйствовалъ общинѣ). Вѣдь тамъ Симферополь и Бельбекъ поименованы.

— Нѣтъ, не эту, а севастопольскую.

— Да вѣдь вы не были въ Севастополѣ?

— Нѣтъ, не была, а очень желала тамъ быть; такъ это все равно.

И вотъ, я два часа толковала, что быть или желать—двѣ вещи разныя, что можетъ быть есть и генералы, которые желали быть въ Севастополѣ, и не были, и не получатъ ее; а солдатъ, который совсѣмъ не желалъ, но былъ тамъ, получитъ, хотя, можетъ быть, ничего не дѣлалъ; это не награда за достоинство, а право.

Не знаю, убѣдила ли я ее. И это не единственный случай; онъ повторялся не разъ, и всѣ онѣ считали себя несправедливо обиженными...

Опишу теперь лагерь, гдѣ работали наши сестры, и день, который я провела въ немъ, начавшійся тѣмъ, что мнѣ ночью пришлось бѣжать въ Симферополь.

Въ какой безотрадной мѣстности расположенъ этотъ грустный лагерь! Не видно ни одного деревца, ни одного кустика; отлогіе склоны едва покрыты травой. Верстахъ въ двухъ виденъ городъ: въ одной сторонѣ довольно много минаретовъ и каменныхъ оградъ или заборовъ; въ другой, которая идетъ немного подъ гору, только одинъ куполъ съ крестомъ.

Лагерь расположенъ „покоемъ", но неправильнымъ—одинъ конецъ длиннѣе другого. Первые ряды всѣхъ внутреннихъ сторонъ составляютъ большіе суконные, покрытые парусиной, госпитальные шатры, а за ними по два ряда маленькихъ солдатскихъ палатокъ, и тѣ теперь уже устроены двойныя. По срединѣ широкаго пространства этого „покоя" стоятъ тоже палатки, и большія, и маленькія, очень большой наметъ для цейхгауза и еще три шатра больничные. Тутъ живутъ наши сестры-хозяйки, тутъ и койки для пріѣзжающихъ дежурить сестеръ, и палатка, гдѣ живетъ Елиз. Петр. Карцева. А въ одной—наши запасы, бѣлье для больныхъ, питья, яйца, чай, сахаръ и все, что̀ нужно для перевязки.

И вотъ возлѣ этихъ трехъ палатокъ безпрестанно видишь входящихъ или выходящихъ сестеръ: то одна несетъ миску съ супомъ для слабыхъ больныхъ, другая лимоны, а третья бѣжитъ очень скоро съ нужной для перевязки корпіей и ватой, и еще одна проходитъ тихо и осторожно, неся стклянки съ лекарствами.

И этотъ обширный лагерь совсѣмъ ужъ не военный. Не слышно ни музыки, ни пѣсенъ, не слышно команды, даже зорю не пробьютъ!.. Но вотъ вдругъ раздается команда: „Стой! равняйся! Скорымъ шагомъ, маршъ"! И что-жъ? Вотъ маршируетъ семь человѣкъ, но ужасно смотрѣть на нихъ: у нихъ, у семи—семь ногъ и четырнадцать костылей!

Безрукіе сидѣли на лавочкахъ, устроенныхъ изъ досокъ, положенныхъ на козлы командуютъ тѣмъ—и тѣ, и другіе смѣются. Здѣсь сошлись и доктора; они тоже смѣются, и я улыбаюсь со слезами на глазахъ, но все-таки, хотя это очень грустно, но все же отраднѣе видѣть ихъ марширующими со смѣхомъ, чѣмъ, бывало, видѣть, какъ, пройдя черезъ Гущинъ домъ, ихъ отправляютъ хоронить на Сѣверную.

Пошла я потомъ въ палатки къ только-что привезеннымъ изъ города 150-ти человѣкамъ. Въ этотъ лагерь свозили отовсюду; иногда тутъ бывало и очень много, но, слава Богу, за то очень часто выписывалось отъ 100 до 200 человѣкъ. Я привела къ этимъ раненымъ старушку, которую они звали бабушкой и очень ее любили. Они очень обрадовались, увидавъ ее, очень меня благодарили, что я ее къ нимъ привела; ихъ пугала мысль, что они ея больше не увидятъ, и они все повторяли: „Ну, спасибо, что ты ее привела, а то безъ бабушки скучно! Она славно перевязываетъ, да еще прежде чѣмъ перевязать, насмѣшитъ насъ"!

Скоро жаркій день смѣнился пріятнымъ, прохладнымъ вечеромъ; солнце сѣло за розовыя, золотистыя облака; молодой мѣсяцъ ярко заблисталъ въ высотѣ. И все болѣе и болѣе стихало. Больные ушли со скамеекъ въ палатки, зажглись вездѣ огоньки, и блестящія облака превратились въ тяжелую тучу, которая безпрестанно закрывала мѣсяцъ. Завылъ вѣтеръ; въ иныхъ палаткахъ погасли огоньки и замолкло, а въ другихъ слышны еще сказки и разсказы о походахъ. Но вотъ и это постепенно умолкло, только кое-гдѣ раздается оханье или кашель, да промелькнетъ огонекъ: это сестра идетъ съ фонаремъ между рядовъ палатокъ, порученныхъ ей, и старается прислушаться, гдѣ не спятъ, чтобы взойти туда. Тихо и въ палаткахъ сестеръ, но вотъ къ нимъ вошелъ служитель и сказалъ, что мясо и хлѣбъ привезли.

Сейчасъ же двѣ сестры пошли на кухню для пріема.

Когда онѣ возвратились, я тоже пошла въ палатку сестры Елиз. Петр., которая была въ это время у Гротеновыхъ въ Генисалѣ, куда ѣздили отдыхать и поправляться послѣ болѣзни наши сестры. Несторъ Филипповичъ и его жена были очень внимательны къ сестрамъ, и мы многимъ имъ обязаны.

Поговоривъ нѣкоторое время съ сестрой, которая жила въ этой палаткѣ, я стала сладко засыпать подъ заунывное завываніе вѣтра и легкое качаніе палатки... Вдругъ слышу голоса, восклицанія:—Боже мой! Какой ужасъ! Все небо въ огнѣ! Огонь, пожаръ, огромный пожаръ!

Я вскакиваю и спрашиваю громко:—Гдѣ пожаръ?—Взволнованный голосъ внѣ палатки отвѣчаетъ мнѣ: — Симферополь горитъ!—Какъ горитъ?!

— Да, ужасный пожаръ!

Я поспѣшно одѣваюсь; сестра Королева вбѣгаетъ ко мнѣ, дрожа отъ волненія; она поспѣшно отстегиваетъ нѣсколько петель палатки и говоритъ:

— Ужасъ что̀ такое! Посмотрите!

Горитъ удивительно ярко и свѣтло. Я поспѣшно накидываю салопъ и прошу сестру позвать мнѣ служителя.—Куда вы?—Какъ куда? Въ Симферополь.—Что̀ вы, Катерина Михайловна! Ночь, ужасный вѣтеръ, темно! — Но вѣдь горитъ въ сторонѣ собора, нашъ домъ, гдѣ живутъ сестры, домъ Торопова, гдѣ больныя сестры, гдѣ нашъ цейхгаузъ—все тамъ. Ну, а что̀ если горитъ близъ этихъ домовъ, или, упаси Боже, горитъ который-нибудь изъ нихъ! Мнѣ надо быть тамъ; старшая сестра въ Генисалѣ, нашъ докторъ на южномъ берегу. Кто же тамъ?

Выйдя изъ палатки, я увидала фельдшера, который тоже собирался въ городъ, позвала его, и мы поспѣшнымъ шагомъ пустились въ путь. Вдругъ намъ почти не стало видно пожара. —Что-жъ это? — Это оттого, что мы сошли подъ гору. А пожаръ должно быть очень большой: вѣрно, горитъ не одинъ домъ,—отвѣчаетъ мнѣ фельдшеръ.

Я прибавляю шагу; вѣтеръ прямо въ лицо и несетъ въ глаза пыль и дымъ. Вотъ подошли мы къ какому-то забору и палаткамъ: это бойня. Стая огромныхъ собакъ окружаетъ насъ съ страшнымъ лаемъ; у моего провожатаго нѣтъ даже палки, но мы благополучно прошли. Всякій разъ, что вспыхнетъ ярче, я иду поспѣшнѣе и думаю съ тревогой:—Ключъ отъ кассы у меня, а желѣзный ящикъ, гдѣ она лежитъ, привинченъ къ полу; шкатулка съ подарками вел. княгини, брилліантами и часами—въ шкафу, а ключъ отъ шкафа у меня, и никто не знаетъ, гдѣ она стоитъ...

Впереди очень свѣтло, но зато по сторонамъ все совершенно черно. Вошли въ городъ. Стали попадаться прохожіе.

— Чтò горитъ?

— Лавки.

Если тѣ лавки, чтò у собора, то нашъ домъ прямо подъ направленіемъ вѣтра, но горитъ что-то очень ярко и близко, ближе дома общины.

— Гдѣ горитъ?—спрашиваю вторично.—На большомъ Базарѣ, балаганы съ дегтемъ, саломъ и масломъ.—Я пошла тише: нѣтъ никакой опасности для нашихъ домовъ. Прошла мимо пожара,—горитъ очень свѣтло, но низко. Насилу я узнала свою улицу—такъ странно все было освѣщено. Мнѣ открыли сейчасъ, какъ я позвонила, такъ какъ никто не спалъ. Пошли возгласы, какъ это я ночью пришла пѣшкомъ. Письмоводитель, священникъ тоже пришли къ сестрамъ, такъ какъ всѣ сначала очень испугались, но, слава Богу, пожаръ скоро совсѣмъ прекратился, и скоро мы всѣ, и во всемъ Симферополѣ, легли спать. Кромѣ бѣдныхъ продавцевъ, пострадавшихъ отъ пожара, все шло по прежнему; на другой день другіе торговали на томъ же мѣстѣ.

Черезъ нѣсколько дней я съ сестрой Базиной поѣхали въ Бахчисарай; тамъ больные были уже всѣ переведены въ аулъ, близъ станціи, такъ что и сестры туда переѣхали. Больные находились и въ домѣ, и въ палаткахъ; ихъ было 550 человѣкъ. Сестры жили тутъ же очень близко, и это было очень удобно.

На другое утро, мы съ сестрой Матильдой Осиповной Чупати, которая была здѣсь старшей, ѣздили въ Бахчисарай къ

полковнику Ахматову, который завѣдуетъ госпиталями, и къ коменданту. А потомъ еще на другой день ѣздили съ сестрами на ихъ прежнюю квартиру на горѣ близъ дворца.

Мы поѣхали туда горой. Что̀ за чудный видъ! Весь Бахчисарай подъ ногами. М. О. Чупати уговаривала меня туда ѣхать, такъ какъ очень безпокоилась объ оставленномъ тамъ цейхгаузѣ. Но я нашла, что тамъ всего такъ немного, что не трудно все это перевезти.

Мы воспользовались этой поѣздкой, чтобы посѣтить и дворецъ; особливо сестра Базина этого очень желала; она первый разъ въ Крыму. Но дворецъ былъ въ ужасномъ положеніи послѣ устроеннаго въ немъ госпиталя. Стѣны покрыты какой-то сыростью; великолѣпная зала суда—съ подпорками, фонтаны не бьютъ,—вся поэзія пропала, а грустная, тяжелая дѣйствительности являлась во всемъ!.. И нельзя было повторить: „Люблю немолчный говоръ твой и поэтическія слезы"...

Мы воспользовались прекраснымъ вечеромъ и лунной ночью и сходили пѣшкомъ въ Чуфутъ-Кале и Успенскій монастырь. Поздно вернулись домой. Я не могла этотъ разъ остаться дольше, такъ какъ надо было 20-го непремѣнно вернуться въ Симферополь, чтобы 21-го, въ именины вел. княгини, быть и справить этотъ день въ общинѣ.

Тутъ еще намъ было очень много хлопотъ, чтобы отправить гробъ Екатерины Александровны въ Одессу. Сколько разъ я ѣздила для этого къ губернатору Жуковскому, который всегда былъ къ намъ очень внимателенъ и любезенъ, сколько разъ посылалъ нарочнаго въ Севастополь, чтобы узнать, когда будетъ такой пароходъ, на которомъ, наконецъ, можно отправить гробъ.

До Севастополя провожали Екатерину Александровну докторъ Тарасовъ и Елизавета Петровна. А монахъ Веніаминъ, который находился при общинѣ, сестра Медвѣдева (которая находилась при Екатеринѣ Александровнѣ во все время ея болѣзни), сестра Матковская и пять одесскихъ сестеръ провожали ее до Одессы, до мѣста вѣчнаго ея успокоенія. Я опять ѣздила на кладбище помолиться и поклониться ей въ послѣдній разъ.

Приведу здѣсь небольшую выписку изъ письма сестры Медвѣдевой изъ Николаева, хотя я, разумѣется, получила его позднѣе:

„Мы снялись съ якоря въ двѣнадцать часовъ дня. Капитанъ парохода очень о насъ заботился. Погода была тихая, къ вечеру только начался вѣтеръ, и иныхъ укачало... Мы прибыли въ Одессу въ понедѣльникъ, въ восемь часовъ утра. Батюшка сейчасъ отправился къ княгинѣ. Ее не было въ городѣ, послали

за ней на хуторъ. Къ 12 час. она пріѣхала, и съ ней сестра Ѳекла (которая была съ Екатер. Алекс. въ Крыму) и ея воспитанница Лиза Яковлева. Онѣ очень плакали. Княгиня немного пробыла и уѣхала, чтобы всѣмъ распорядиться. Немного послѣ нея пріѣхала старшая сестра и съ ней еще двѣ сестры и ихъ священникъ съ причтомъ и хоругвями.

„Дроги запряжены парой лошадей, покрытыхъ чернымъ сукномъ. Капитанъ парохода просилъ дозволить проводить кондукторамъ до кладбища. На дрогахъ стояло по два по бокамъ.

„Мы всѣ шли пѣшкомъ до самаго заведенія общины. Когда мы проходили мимо монастыря, монахини и дѣти духовнаго званія, которыя тутъ воспитываются, вышли попарно, встрѣтить и проводить до общины. Тамъ всѣ сестры вышли, отслужили панихиду у крыльца и отправились до кладбища. Нѣкоторыя сестры шли пѣшкомъ, а другія поѣхали съ нами, ибо до кладбища 8 верстъ. Внесли въ церковь, отслужили панихиду, и потомъ было погребеніе.

„Послѣ похоронъ насъ благодарили за наши распоряженія и за порядокъ, который былъ имъ извѣстенъ. Всѣ были очень ласковы и радушны, и княгиня, и генеральша Стурдза.

„Возвратились мы съ кладбища въ 6 часовъ въ мирное убѣжище, гдѣ и пробыли съ понедѣльника до четверга и уѣхали въ Николаевъ". (Видно изъ продолженія письма, что заведеніе одесскихъ сердобольныхъ очень понравилось сестрѣ Медвѣдевой.)

А тутъ начались другія хлопоты. Сестра М. О. Чупати уѣзжала съ шестью сестрами въ Петербургъ, а ее замѣнять мы назначили Мар. Ив. Алексѣеву. Тогда я только съ ней познакомилась, но скоро полюбила всей душой; это была такая милая, сердечная сестра, любящая и благородная, какихъ у насъ очень мало къ несчастію.

5-го іюля я поѣхала въ Херсонъ. Съ Перекопа, гдѣ на нѣсколько часовъ остановилась у сестеръ, я рѣшилась ѣхать на Алешки. Послѣдняя станція къ Алешкамъ, 22 версты—истинное мученіе: глубочайшій песокъ, такъ что я съ сестрой часто шли пѣшкомъ. А въ Алешкахъ опять хлопоты: надо ѣхать на лодкѣ, т.-е. на дубѣ, и два часа съ половиной ѣдешь точно по какимъ-то аллеямъ изъ ветелъ, точно онѣ ростутъ прямо изъ воды; и все это время или на баграхъ, перевозчики бѣгаютъ по краю дуба, или на бичевѣ. Только когда мы выѣхали прямо противъ Херсона, то поѣхали подъ парусомъ; а тутъ еще опять хлопоты—на берегу нанимать лошадей.

Въ Херсонѣ старшею, съ самаго пріѣзда сестеръ, была

сестра Варв. Ив. Щедрина. Хотя здѣсь много идетъ не такъ, какъ у насъ,—наши взгляды во многомъ расходятся,—но такъ какъ это шло уже такъ годъ и шесть мѣсяцевъ и, повидимому, все шло хорошо и всѣ довольны, то тутъ измѣнять нечего, тѣмъ болѣе, что это былъ іюнь, а всѣ говорили, что осенью всѣ военно-временные госпитали закроются.

8-го іюня я пріѣхала въ Николаевъ. Что жъ я скажу про сестеръ и про госпитали? Ни вспомнить, ни изъ моихъ же писемъ къ сестрѣ, очень короткихъ по недосугу писать, я ничего не могу сказать положительнаго. Тѣхъ сестеръ, которыя были изъ Петербурга и продолжали еще свое служеніе, разумѣется, хорошо помню; но тѣхъ, которыя были изъ Одессы и изъ другихъ мѣстъ и съ закрытіемъ этихъ госпиталей уѣхали, совсѣмъ не могу вспомнить,—а ихъ было много. Мнѣ всѣ разсказывали, что зимой и ранней весной положеніе сестеръ и больныхъ было ужасное.

Когда я пріѣхала, сестры были въ трехъ госпиталяхъ въ довольно далекомъ другъ отъ друга разстояніи. Главный госпиталь былъ Морской. Мы такъ прямо и пріѣхали къ сестрамъ, которыя были при этомъ госпиталѣ, гдѣ въ это время было до 1.000 человѣкъ. Старшей сестрой была Аверкіева. Я ее почти не помню. Она была изъ Одессы и очень скоро туда уѣхала. Изъ ея же отдѣленія три сестры ходили въ Сухопутный госпиталь, который былъ противъ нихъ. Въ немъ было 450 человѣкъ.

Помню, какъ эти три сестры мнѣ говорили, что старшая сестра все свое время посвящаетъ Морскому госпиталю, а къ нимъ рѣдко ходитъ. Помню очень хорошо этотъ большой Морской госпиталь. Думаю, что онъ уже больше не существуетъ. Это было что-то престранное. Не знаю, какъ понятнѣе описать его. Это были длинныя галереи; по двумъ сторонамъ стояли койки, а надъ ними хоры тоже идутъ вдоль стѣнъ, такіе широкіе, что на нихъ тоже стояли койки и оставался проходъ между коекъ и перилъ. Въ серединѣ—широкое и высокое пространство. Кажется, такихъ длинныхъ галерей, раздѣляемыхъ сѣнями, было двѣ или три. Но это все очень неудобно; во-первыхъ, совершенно вмѣстѣ было болѣе 200 человѣкъ; во-вторыхъ, что проливали наверху, капало на нижнихъ, а что пахло внизу, несло прямо къ верхнимъ.

Еще былъ въ особомъ домѣ офицерскій госпиталь, куда ходили двѣ сестры. Верстахъ въ двухъ отсюда жили при госпиталѣ шесть сестеръ. Сестра Кояндеръ была старшей. Она, кажется,

изъ Москвы, хорошая сестра и продолжала потомъ свою службу въ Петербургѣ.

Въ третьемъ госпиталѣ, за горами и за песками на берегу Буга, была старшей монахиня, и какъ нарочно въ этомъ госпиталѣ былъ самый дурной и вспыльчивый смотритель, и у нихъ очень часто бывали непріятности. Я думаю, оба были виноваты.

Однако, я все-таки съѣздила къ адмиралу Рагулѣ, прося его быть покровителемъ сестеръ. Онъ былъ въ Севастополѣ вторымъ комендантомъ, и я его всякій день видала.

Я опять останавливалась на два дня въ Херсонѣ. Боже мой, какую важность всѣ приписываютъ всякому отчету, и правильному веденію самой мелкой отчетности, и страху не вести его по всѣмъ бюрократическимъ тонкостямъ! Я это испытала въ Херсонѣ. На этотъ разъ сестра Варв. Ив. Щедрина была со мной очень любезна. Она мнѣ показала свой цейхгаузъ, въ которомъ я нашла нѣсколько неоткрытыхъ тюковъ. Я ее спросила:—Отчего вы не разберете ихъ? Можетъ быть, тутъ есть и бѣлье, и компрессы и пр., въ чемъ вы нуждаетесь.

— Но вотъ видите, все это надо ввести въ отчеты, а потомъ вести всему и расходъ. Это такъ затруднительно.

Мнѣ просто было досадно это слышать, и, вспомнивъ, какіе я видѣла толстые компрессы на глазахъ больныхъ, я ей сказала:

— Мы сейчасъ всѣ тюки раскроемъ, и если васъ это затрудняетъ, то напишите, что пріѣхала сестра-настоятельница и все растрепала, а ужъ я буду за это отвѣчать.

Потомъ сестры были очень рады, что мы все разобрали и нашли много очень имъ нужнаго, между прочимъ, запасъ персидской ромашки, въ которой онѣ очень нуждались, и которая была имъ необходима.

Кстати, скажу здѣсь и про письмоводителя Александра Порфирьевича Рыбалкина. Это была олицетворенная аккуратность! Получила я разъ письмо отъ вице-губернатора Браилки; по ошибкѣ, онъ писалъ о мальпостахъ, которые были присланы для сердобольныхъ, а не для насъ; но Алекс. Порф. пришелъ на другой день меня спрашивать:—Вы получили письмо?—Да, получила. Да это вздоръ, ошибка!—Что̀ за дѣло, что вздоръ! Все же надо соблюсти форму; вѣдь письмо подъ №?—Ну, что-жъ, что подъ №?—Необходимо надо внести въ бумаги.—Да вѣдь это заводить пустыя бумаги?—Такъ должно. Пожалуйста, дайте его.

Я сыскала письмо на полу и подала ему. Онъ былъ очень радъ, а я ему говорю:—Право, Алекс. Порф., я въ другой разъ разорву и брошу такой вздоръ!—А онъ мнѣ невозмутимо отвѣ-

чаетъ:—Ну, что-жъ? Я тогда все-таки обязанъ написать, что бумага, полученная подъ такимъ-то №, разорвана сестрой-настоятельницей по ненадобности.

Кромѣ этой страсти все записывать, доведенной до крайности, это былъ очень хорошій человѣкъ, и я всегда оставалась съ нимъ въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ.

А каково же ему было смотрѣть, какъ совершенно по походному происходило засѣданіе нашего комитета! Я сидѣла на своей кровати, сестра Е. П. Карцева—на шкатулкѣ, привинченной къ полу, Тарасовъ—на столѣ; только священникъ сидѣлъ на креслахъ, а письмоводитель—за столомъ въ дверяхъ другой комнаты. А какъ живо, съ какимъ одушевленіемъ мы совѣщались! Сколько было предположеній, сколько надеждъ, сколько мечтаній!

Такъ какъ я заговорила о каретахъ для сердобольныхъ, то припомню, что какъ я пріѣхала въ Симферополь, то надо мнѣ было объясниться съ начальницей сердобольныхъ, Распоповой: какъ онѣ располагаютъ—онѣ ли собираются оставаться еще въ Симферополѣ, или передадутъ всѣ госпитали намъ?

Я поѣхала къ ней съ нѣкоторымъ опасеніемъ, такъ какъ мнѣ говорили, что съ ней бываетъ трудно вести дѣла. Но мои сношенія съ ней были всегда очень пріятны, можетъ быть и по тому особому обстоятельству, что она съ самаго начала встрѣтила меня очень любезно, говоря:—Я бывала у васъ въ домѣ. Тогда были тамъ двѣ маленькія дѣвочки, Пашенька и Катенька. Которую изъ нихъ я теперь вижу?

Когда пріѣхали къ намъ мальпосты, то всѣ сердобольныя собирались уѣхать. Мнѣ очень хотѣлось удержать ту, которая была при офицерскомъ госпиталѣ, и которой они были очень довольны. Распопова согласилась ее оставить, и я очень уговаривала ее остаться; она почти согласилась, но потомъ вдругъ отказалась, и мнѣ пришлось послать туда одну изъ нашихъ сестеръ. А вѣдь выбрать сестру для офицерскаго госпиталя очень трудно; молодую—нельзя, боишься ее компрометтировать. Госпиталь же былъ довольно далеко на дачѣ у Салгира въ прекрасномъ саду. Но, слава Богу, туда попала среднихъ лѣтъ сестра, очень добрая, услужливая, и которая умѣла имъ угодить. Сердобольныя уѣхали, да и наши сестры стали уѣзжать небольшими партіями. Больные убываютъ, но въ больничный лагерь они прибываютъ, такъ какъ изъ всѣхъ госпиталей ихъ привозятъ туда.

Въ Бахчисараѣ тоже больныхъ прибыло, потому что уходящіе полки сдаютъ больныхъ изъ своихъ лазаретовъ. Говорили,

что къ 24-му всѣ полки должны уйти, и тогда тоже должна быть временная прибыль.

Въ 20-хъ числахъ іюня, мы проводили доктора Тарасова и нашего священника, а съ ними сестру Зельстремъ 1-го отдѣленія. Они поѣдутъ черезъ Херсонъ, Вознесенскъ, Елисаветградъ и на Кіевъ, такъ какъ отецъ Арсеній долженъ былъ тамъ остаться у своего брата; онъ священникомъ въ Бѣлой-Церкви и желалъ повидаться со своимъ семействомъ, которое жило тамъ съ тѣхъ поръ, какъ бѣжало изъ Севастополя.

Въ понедѣльникъ я поѣхала въ Бахчисарай, но лучше сдѣлать выписки изъ моего письма къ сестрѣ, потому что теперь никакъ не буду въ состояніи написать такъ, какъ написала въ первую минуту, не скажу—хорошо и складно, но по крайней мѣрѣ живо, подъ сильнымъ впечатлѣніемъ. Въ началѣ письма я обвиняю себя, que j'ai commis un crime de lèse charité, но никакъ не могла преодолѣть себя и не побывать въ Севастополѣ. Я знаю, что сестра, а тѣмъ болѣе сестра-настоятельница не должна разъѣзжать столько времени безъ дѣла, но не могла отказаться отъ этого, и была наказана, потому что было ужасно видѣть Севастополь.

„Когда я вспомнила 27-е и 28-е августа, это пламя, эти ужасные взрывы, этотъ шумъ, трескотню, крики толпы, войска, лошадей, воловъ, я не могу тебѣ дать понять этихъ двухъ картинъ, какъ сравненіемъ: представь себѣ, что ты видѣла умирающаго въ послѣднія минуты его агоніи, но, несмотря на страданіе и смерть, все еще прекраснаго,—и послѣ этого на томъ же мѣстѣ тебѣ бы показали груду костей и сказали бы:—Вотъ тотъ, котораго ты видѣла хотя умирающаго, но еще прекраснаго!

„Но лучше разскажу, какъ я на это рѣшилась и какъ устроила.

„Пятницу и субботу я очень усердно занималась то тѣмъ, то другимъ, но на мою бѣду пришелъ ко мнѣ графъ Шанскій и сказалъ, что Севастополь сдаютъ нашимъ, что онъ туда ѣдетъ. И неужели я не увижу Севастополя? Рѣшительно я не хотѣла туда ѣхать, пока тамъ были французы, но тутъ la tentation était devenue trop forte [1]), тѣмъ болѣе, что устроить это было такъ легко.

„Мы, пообѣдавъ и набравъ разныхъ вещей для сестеръ и больныхъ Бахчисарая, съ сестрой Королевой и Рыбалкинымъ поѣхали туда. Въ восьмомъ часу мы туда пріѣхали. Сестеръ

---

[1]) Искушеніе было черезъ-чуръ велико.

нашла здоровыми, больныхъ много, но бо̀льшая часть—выздоравливающіе. Обошли палаты, и я объявила, что завтра рано утромъ я уѣду въ Севастополь. Признаюсь, что на вопросъ: по какому дѣлу?—мнѣ было совѣстно отвѣчать:—безъ дѣла, а только съ тѣмъ чувствомъ, съ какимъ ѣдутъ поклониться могилѣ любимыхъ нами людей.

„Вечеромъ нашла ужасная туча, пошелъ дождь. Я думала, что само небо помѣшаетъ мнѣ ѣхать, но, проснувшись утромъ въ пятомъ часу, увидала ясное солнце и чудное голубое небо. Итакъ, въ шесть часовъ мы поѣхали. Было еще довольно прохладно, и какая опять роскошная зелень въ Бельбекской долинѣ! Огромные дубы и вязы, у которыхъ сучья были отрублены, опушились длинными, новыми побѣгами съ крупнымъ листомъ, такъ что они имѣли очень странный видъ; виноградъ, перекопанный и обработанный, густо росъ въ садахъ долины. Такъ все было зелено и свѣжо, точно природа хотѣла вознаградить за прошлогоднія опустошенія.

„На деревьяхъ тысячи цикадъ поютъ безъ умолку. Но только кое-гдѣ увидишь человѣка, работающаго въ виноградникѣ или въ огородѣ,—все такъ тихо и мирно.

„Но вотъ нашъ тарантасъ повернулъ на шоссе; мы переѣхали Бельбекъ, проѣхали то мѣсто, гдѣ въ палаткахъ жили сестры, проѣхали виноградникъ, который раздѣлялъ нашъ лагерь отъ лагеря госпиталя. Онъ славно опушился и ярко зеленѣетъ. Но фруктовыя деревья въ саду, гдѣ былъ госпиталь, почти всѣ съ поблекшими листьями, какого-то красноватаго цвѣта, такъ что у нихъ какой-то болѣзненный, страдальческій видъ. Вотъ видно море, а тамъ вдали, противъ Камышевой бухты — ненавистные англійскіе и французскіе корабли.

„Поднялись на гору. Константиновская и Михайловская батареи стоятъ какъ прежде. Но вотъ тамъ бараки, первый нашъ пріютъ въ Севастополѣ. У нихъ нѣтъ ни рамъ, ни крышъ. А вотъ и кладбище, гдѣ лежатъ четыре наши сестры; по лѣвую руку другое кладбище у Михайловской батареи, а вотъ магазинъ, куда 27-го августа я ходила ночью поить больныхъ водкой. Ихъ нельзя узнать: едва стоятъ полуразвалившіяся стѣны, а изъ бухты все такъ же печально торчатъ мачты кораблей и трубы пароходовъ, и тамъ, по ту сторону бухты, какія-то странныя строенья, какія-то неясные бѣлыя очертанія,—какъ они кажутся далекими! Всегда въ строеніяхъ рѣзко обозначаются окна черныя на бѣломъ строеніи, а тутъ въ окна просвѣчиваетъ тоже или голубое небо, или блестящія облака. Только недостроенная

церковь Св. Владиміра стоитъ какъ прежде, а насквозь огромнаго зданія Александровскихъ казармъ такъ и сквозитъ небо.

„Но гдѣ же наша Николаевская батарея, нашъ трехмѣсячный пріютъ отъ бомбъ и смерти? А вотъ эта длинная гряда безобразныхъ обломковъ на берегу моря—вотъ она!

„Мы наняли лодку съ двумя гребцами (теперь уже всѣ русскіе) и поѣхали на ту сторону. Не стану тебѣ дальше описывать... Да и что̀ описывать? Еще съ Сѣверной это можно назвать призракомъ города, а здѣсь—l'abomination de la désolation!.. [1])

„Мы проходили три часа въ самый полдень, подъ палящимъ солнцемъ, исходили почти весь городъ, доходили до 4-го бастіона. Тамъ я рѣшительно ничего не поняла: все изрыто, какой-то хаосъ! Отъ большихъ домовъ стоятъ еще стѣны, иногда всѣ, иногда двѣ или три, но слободки, которыя были ближе къ бастіонамъ, не имѣютъ и подобія домовъ, а только груды бѣлаго камня и черепицы...

„Были мы и на могилахъ павшихъ защитниковъ Севастополя, въ недостроенной церкви. Тутъ нѣтъ ни монумента ни плиты, а только груды камней полуосѣвшихся... Грустно, тяжело!..

„Измучившись физически, а еще болѣе морально, мы вернулись на Михайловскую, гдѣ у того же священника, который пріютилъ насъ, когда мы въ первый разъ пріѣхали въ Севастополь, напились чаю и нѣсколько отдохнули.

„Когда мы доѣхали до сада, гдѣ жили сестры, мы пошли пѣшкомъ, чтобы отыскать могилу сестры Ал. Ив. Линской (она умерла на Бельбекѣ зимой) и прямо пришли туда. Она похоронена въ саду на кладбищѣ тамошнихъ помѣщиковъ, подъ хорошенькими деревьями бѣлой акаціи. Память о ней какъ-то сливается у меня съ памятью о Николаевской батареѣ, гдѣ она постоянно подвизалась въ продолженіе шести мѣсяцевъ.

„Возвратившись вечеромъ въ Бахчисарай, я еще разъ, par acquit de conscience, обѣгала весь госпиталь, прежде чѣмъ лечь спать. На другой день, pour me compléter le souvenir de Sébastopol, меня разбудили словами:—Катерина Михайловна, вставайте, раненаго привезли!—Какъ раненаго?—Да, бомбой раздроблена нога. —Я вскочила, пошла туда и увидала бѣднаго черноморскаго казака съ совершенно раздробленной ногой. Онъ былъ съ товарищемъ на Черной рѣчкѣ, а вѣдь тутъ вездѣ валяются бомбы и ядра; его товарищъ вздумалъ бросить ядро на бомбу, отъ

[1]) Мерзость запустѣнія.

удара бомбу разорвало, того убило, а этому раздробило кость. Ампутація была въ верхней трети бедра. Если бы ты была въ Севастополѣ, то знала бы, что это почти равняется смертному приговору, и врядъ ли онъ теперь еще живъ"...

Я вернулась въ Симферополь въ очень грустномъ настроеніи, и когда Елизавета Петровна сказала мнѣ—она думала, что я поѣду въ Камышъ, то я ей отвѣтила, что послѣ того, что была въ Севастополѣ, ни за что не поѣхала бы, не хочу ихъ видѣть, такъ тяжело даже надписи французскія читать на развалинахъ Севастополя.

На другой день получила я письмо изъ Петербурга, которое меня совсѣмъ разстроило. Пишутъ, что посылаютъ, какъ старшую, въ Елисаветградъ одну красивую, молодую вдовушку, которая уже была сестрой въ первомъ отдѣленіи и, какъ мнѣ казалось, очень много занималась своими прекрасными бѣлокурыми локонами. Она—родственница m-me Кантъ,—да и какая же это безтолочь посылать теперь сестеръ, когда мы ихъ постоянно начали отсюда отправлять, такъ какъ больные быстро убываютъ и госпитали постепенно закрываются. Вѣрно, это m-me Кантъ выдумала. Я тутъ же подумала, что у насъ съ ней будетъ разладъ, какъ я пріѣду въ Петербургъ. Оно такъ и вышло.

Въ Петровъ день пріѣхалъ въ Симферополь Иннокентій. Въ этотъ же день я видѣла его у Браилки. Мнѣ необходимо было его видѣть для нашего священника, отца Арсенія Лебединскаго, который съ нимъ разъѣхался. На другой день я очень рада была, что осталась дома: къ намъ заѣхалъ Иннокентій. Онъ благословилъ всѣхъ сестеръ и тѣхъ, которыя сейчасъ же должны были уѣхать на дежурство, а потомъ пошелъ въ мою комнату и долго оставался, такъ что сестры смѣнились съ дежурства и пріѣхали домой,—тогда онъ и ихъ благословилъ.

Чего, чего мы съ нимъ ни переговорили! Сначала—о моихъ родныхъ, которыхъ онъ зналъ, о кн. А. А. Шаховскомъ, котораго онъ очень любилъ, о моей сестрѣ, которой много стиховъ онъ читалъ, хвалилъ ихъ и ихъ религіозное направленіе; сказалъ мнѣ, что онъ думалъ, что она пойдетъ въ сестры. Я ему сказала, что ея слабое здоровье не могло бы это выдержать. Говорили о военныхъ дѣйствіяхъ, о Севастополѣ и объ общинѣ, чего я и желала. Я его стала просить, чтобы онъ меня выучилъ, какъ внушить религіозность. Онъ мнѣ отвѣтилъ на это: —Вы такъ легко дѣлаете мнѣ самый трудный вопросъ, который мы такъ часто задаемъ себѣ, когда собираемся проповѣдовать;

это такъ трудно, это, должно быть, благодать Божія. Главное, примѣръ и вашъ для этого необходимъ.

Я ему отвѣчала, какъ меня мучитъ то, что я слишкомъ свѣтская.—Что же, вы и не должны быть монахиней. И бойтесь того, чтобы частыми чтеніями, вмѣсто того, чтобы принести пользу, не дать отвращенья отъ хорошаго. Это такъ трудно, и кромѣ навыка, какъ съ кѣмъ дѣйствовать, генеральныхъ правилъ не могу вамъ сказать. И самое главное, пусть у нихъ будетъ почаще Евангеліе хоть передъ глазами,—это всего больше дѣйствуетъ на нашу душу.

Этотъ разговоръ я тоже выписала изъ письма къ сестрѣ, которое я написала ей немедленно.

5-го іюля еще уѣхали сестры, а 7-го—Елизавета Петровна; зато къ намъ въ Симферополь пріѣхала сестра Марья Ивановна Алексѣева. Бахчисарайскій госпиталь закрыли, а оставшихся тамъ больныхъ перевели къ намъ.

Еще прежде всѣ сердобольныя уѣхали и передали намъ и баракъ. Чтò мнѣ въ это время было очень скучно и даже тягостно— это писанье бумагъ. Надо было писать къ сестрамъ во всѣ отдѣленія, а всего чаще надо было писать въ Петербургъ и надо было непремѣнно писать сначала начерно, не для того, чтобы arrondir mes phrases,—я за этимъ никогда не гналась, да и не умѣла,—а чтобы имѣть „отпускъ“. Вѣдь мы получали отвѣты недѣли черезъ двѣ. Получишь какой-нибудь отвѣтъ, наскоро написанный, такъ что вдругъ и не поймешь на чтò именно отвѣчаютъ, пока не посмотришь, чтò тогда спрашивалъ.

И много времени я употребляла на писанье, такъ что мало мнѣ его оставалось для больныхъ, чтò мнѣ было очень грустно; но все-таки я ѣздила всякій день и въ бараки, и въ лагерь, а дня черезъ два или три и въ офицерскую больницу. Но это больше для отдыха, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ. Тамъ садъ или, лучше сказать, почти лѣсъ густой, тѣнистый вдоль Салгира, а въ Симферополѣ душно и пыльно, хотя именно въ іюлѣ были часто проливные дожди, иногда цѣлый день. Тогда другая бѣда: такая грязь въ лагерѣ, что изъ палатки въ другую палатку рядомъ насилу пройдешь. Грязь такая липкая, что калоши въ ней остаются.

У насъ былъ аукціонъ лошадей, экипажей и разной мѣдной и чугунной посуды, которой набралось очень много. Всѣмъ этимъ завѣдывалъ Рыбалкинъ. Онъ былъ точно impressario in angustio съ молоткомъ въ рукахъ. Собрались жиды, татары, греки и русскіе; продажа происходила на дворѣ. Кричали, спорили на разныхъ языкахъ. Кончилось тѣмъ, что мы продали на 687 р. сер.

Въ это время, т.-е. 29-го іюля, у насъ оставалось больныхъ въ лагерѣ 680 человѣкъ, въ баракахъ 162, и я рѣшила, что могу уѣхать, такъ какъ великая княгиня желала, чтобы я скорѣе пріѣхала въ Петербургъ, да и по многому это было нужно, а вѣдь мнѣ еще надо было заѣхать во многія мѣста, гдѣ были сестры. Я взяла съ собой сестру Наталью Александровну Базину. Сестры провожали меня со слезами, а добрая и милая Марья Ивановна горько плакала.

Мы выѣхали изъ Симферополя въ 7 часовъ послѣ обѣда. Утромъ были въ Перекопѣ, и сейчасъ же, только напившись чаю, поѣхали въ госпиталь. Онъ довольно далеко—тоже въ палаткахъ. Но тамъ мнѣ было очень досадно и даже больно: супъ былъ совершенно жидкій (а если класть крупу по постановленію, то супъ долженъ выйти почти какъ размазня). Я разохалась, пошла тревога, сдѣлала замѣчаніе сестрамъ, велѣла дежурить на кухнѣ. Но есть отвѣтъ, который меня совершенно выводитъ изъ терпѣнія, и сколько разъ я его слышала:—Представьте! вотъ какъ нарочно, когда вы пріѣхали, а то все было исправно!—Боже мой! Кто же этому повѣритъ?

Какъ вернулись изъ госпиталя, такъ сейчасъ поѣхали въ Бериславъ. Туда пріѣхали въ 7 час. Сейчасъ мы обошли госпиталь. Здѣсь и въ Перекопѣ 170 больныхъ. Сестры здѣсь очень милыя. Ихъ три. Мы съ ними поужинали; онѣ легли спать, а мы съ Базиной сѣли въ тарантасъ и поѣхали въ Херсонъ.

Мы пріѣхали рано утромъ; напившись чаю, я съ Варварой Ивановной Щедриной пошла въ госпитали; они въ трехъ разныхъ помѣщеніяхъ, и четвертый, гдѣ арестанты, но очень близко одинъ отъ другого, такъ что мы въ третьемъ часу вернулись домой. Послѣ обѣда я поѣхала къ губернатору и къ моимъ севастопольскимъ знакомымъ Павловскимъ и въ лавки, чтобы купить кисеи, закрывать слабыхъ больныхъ: здѣсь мухъ очень много.

Я не скажу, чтобъ все мнѣ очень нравилось, но все-таки все здѣсь очень порядочно, сестеръ любятъ и уважаютъ, и онѣ живутъ между собою дружно.

На другой день, 1-го августа, мы пошли къ обѣднѣ и на водосвятіе, но у нихъ въ этотъ день не ходятъ на Днѣпръ, а освящаютъ воду въ колодцѣ. Хотя народу было немного, потому что крѣпость довольно далеко отъ города, но толкали страшно, оттого что здѣсь есть такое обыкновеніе, что у всякой женщины и у всѣхъ дѣтей—нельзя сказать, что по букету, а по огромному пуку душистыхъ травъ, даже маковыхъ головокъ, и они кидаются, чтобы ихъ скорѣй намочить въ освященной водѣ.

Насъ эскортировалъ плацъ-майоръ, и намъ было хорошо. Обѣдня кончилась довольно поздно, а послѣ обѣда мы выѣхали изъ Херсона въ Николаевъ, и Варвара Ивановна Щедрина съ нами въ другомъ тарантасѣ.

Но я велѣла свернуть съ прямой дороги; мнѣ хотѣлось поклониться Говарду. А когда сестра Базина спросила меня, кто же это такой?—то я ей съ большой живостью сказала, какъ она мена самое обидѣла:—И вамъ не стыдно? Это просто ужасно, я отъ васъ этого не ожидала!—Неужели это такое преступленіе?—отвѣчала мнѣ она.—Разумѣется, преступленіе, а для сестры милосердія и большое преступленіе его не знать!

Мы остановились у высокаго обелиска, обнесеннаго каменной оградой, открыли рѣшетчатыя ворота и вошли туда. Обелискъ стоитъ на возвышенности въ нѣсколько ступеней. На немъ медальонъ съ изображеніемъ мужского лица, а кругомъ—надпись: *Въ темницѣ бѣхъ и посѣтисте меня.* Мы поклонились, перекрестились и сорвали нѣсколько травокъ съ гробницы человѣка, столь извѣстнаго своею добродѣтелью.

Садясь въ тарантасъ, я сказала сестрѣ:—Ну, теперь будете знать, кто̀ такое Говардъ.

Въ Николаевъ мы пріѣхали вечеромъ и прямо поѣхали въ Сухопутный. Сестры живутъ въ томъ же зданіи, гдѣ и госпиталь. Я должна была взять оттуда старшую сестру Кояндеръ, чтобы оставить ее въ Вознесенскѣ у сестры Будбергъ.

Въ этотъ же вечеръ мы обошли этотъ госпиталь, а на другое утро были и въ прочихъ госпиталяхъ. Здѣсь сестеръ хотя въ больницахъ и хвалятъ, но въ домашней жизни у нихъ много неурядицы, жалобы другъ на друга, и я постоянно должна была чинить судъ и расправу. Часто жалобы доходятъ до смѣшного, такъ что стараешься растолковать, какъ это ничтожно, и уговариваешь не обращать вниманія. Это—сестры, поступившія здѣсь; какъ только госпитали закрылись, онѣ оставили общину и не поѣхали въ Петербургъ.

3-го августа я выѣхала изъ Николаева въ Новую-Одессу, и тутъ начинается мое глупое путешествіе.

Въ прекрасную лунную ночь пріѣхали мы въ Новую-Одессу, и быстро подъѣхали къ бѣленькому домику, и на мой вопросъ еще изъ тарантаса:—Гдѣ сестры?—я получила въ отвѣтъ:

— Давно уѣхали.

Нечего дѣлать; поѣхали на станцію; тамъ даже нѣтъ самовара, но хорошо, что были лошади, и мы поѣхали далѣе;

только на одной хорошенькой станціи рѣшились остановиться, нѣсколько отдохнуть и напиться чаю.

Мы разсчитали, что намъ нечего спѣшить, и неудобно пріѣхать ночью въ Вознесенскъ, а лучше поутру.

Очень услужливая старушка принесла намъ самоваръ, мы собираемся съ удовольствіемъ напиться чаю,—и вдругъ на мѣсто воды изъ крана потекла какая-то черная жидкость. Зовемъ старушку.

— Ахъ, они безсовѣстные!—вскрикиваетъ она.—Матушки! Это ничего, это кофей! У насъ брали самоваръ на крестины. Экіе право!—И она скоро, вымывъ его и наливъ чистой воды, приноситъ намъ опять.

Проѣхавъ всю ночь, въ грустно-дождливое утро пріѣхали мы въ Вознесенскъ—и опять то же. Подъѣхали къ указанному намъ домику и услыхали:—Сестры уѣхали.

Грустно, досадно и глупо было даромъ проѣхать по поселеніямъ!

Отправились дальше по широкимъ улицамъ города; по обѣимъ сторонамъ—садики и деревья. Чистый, милый и уныло-стройный городокъ. Сейчасъ же со станціи послала къ генералу нашего унтеръ-офицера Фрелиха, очень расторопнаго, просить для меня открытый листъ. Тутъ обыкновенной почты нѣтъ, а поселенская, хотя поселенія, какъ они были сначала, упразднены.

Вдругъ является полиціймейстеръ (привожу изъ письма къ сестрѣ его разговоръ и всѣ мелкія подробности, которыя теперь описываю). Онъ узналъ, что пріѣхали сестры, и сейчасъ же счелъ за долгъ узнать, кто и зачѣмъ.

— Позвольте узнать, кто вы и зачѣмъ вы сюда пріѣхали?

— Я пріѣхала къ сестрамъ. Это мой долгъ навѣстить ихъ и видѣть всѣ отряды, такъ какъ я сестра-настоятельница.

— Слѣдовательно, вы—начальница?

— Да, самая главная начальница.

— Даже выше баронессы Будбергъ!!

— Выше.

Тутъ посыпались похвалы сестрамъ и увѣренія въ готовности сдѣлать все, что угодно ея превосходительству.

Генералъ, который тутъ начальникъ, прислалъ за мной карету, прося меня къ нему пріѣхать, такъ какъ онъ боленъ и самъ не можетъ пріѣхать.

Пришлось къ нему ѣхать. Тутъ опять изъявленія обоюдной благодарности. Наконецъ, явился полиціймейстеръ съ открытымъ листомъ, и онъ же хлопоталъ у нашего экипажа, когда намъ

закладывали лошадей. И вотъ мы поѣхали въ Елисаветградъ. Ѣхали мы цѣлый день, не останавливаясь, питались только арбузами.

Пасмурный день смѣнился чудно-ясной ночью. Пришлось ночью въ незнакомомъ городѣ отыскивать незнакомый домъ. Наконецъ, намъ указали улицу, но Фрелихъ постучался въ нѣсколько домовъ, прежде чѣмъ наконецъ въ одномъ хорошенькомъ домикѣ съ разноцвѣтными стеклами открылись ворота, и мы вошли — къ сестрамъ.

Что̀ сказать про Елисаветградъ, про сестеръ, про госпитали? Но прежде я должна повиниться въ моей, какъ я называла, crime de lèse charité. Впрочемъ, на этотъ разъ я не очень считаю себя виноватой, такъ какъ думаю, что сестрѣ милосердія нельзя же перестать быть сестрой своего родного брата, а у меня въ Елисаветградѣ жилъ тогда братъ, и его я не видала лѣтъ семь. Итакъ, я здѣсь и осталась, можетъ быть, нѣсколько лишнихъ дней именно для него, потому что, пріѣхавъ съ 4-го на 5-ое, я только 11-го уѣхала въ Тульчинъ. А дѣла здѣсь было мало. Больныхъ всего 230 человѣкъ, а сестеръ много. Были между ними нѣкоторыя и изъ прежнихъ сестеръ. Признаюсь, не понимаю, для чего только онѣ разъѣзжали взадъ и впередъ, или, лучше сказать, зачѣмъ онѣ заставляли себя возить, что̀ въ то время было и дорого, и затруднительно.

Разумѣется, мы всякій день ходили въ госпиталь, и тутъ, увы! одинъ разъ я была сильно поражена: вдругъ увидала на мѣсто цыплятъ, назначенныхъ на слабую порцію, на столѣ цѣлый рядъ пухленькихъ жирненькихъ утятъ! И услыхала тѣ же противныя слова: — Представьте себѣ, вѣдь это въ первый разъ, и какъ нарочно при васъ!

Да и многое было мнѣ не по душѣ. Мы другъ друга не понимаемъ. Можетъ быть, это и моя вина, но я нахожу — qu'on prend la morgue pour de la dignité et la bassesse pour l'humilité [1]).

Но кромѣ свиданія съ братомъ мои занятія здѣсь были: ходить къ генераламъ, принимать ихъ и смотрителей, слушать разные разсказы, гдѣ всегда мѣстоименіе *я* играло большую роль.

Но, впрочемъ, слава Богу, все здѣсь было благополучно. Больныхъ мало, сестеръ много, домикъ ихъ прехорошенькій. Власти къ нимъ хорошо расположены. Между собой онѣ живутъ дружно и тихо. Однимъ словомъ — все хорошо. Mais l'esprit n'y est pas;

---

[1]) Принимаютъ спѣсь за достоинство — и низость за скромность.

peut être il y a la lettre, mais pas même à la lettre. (Прошу извинить французскія фразы, но я рѣшительно не всегда умѣю ихъ равносильно перевести по-русски).

Опять мы поѣхали по бывшимъ поселеньямъ съ открытымъ листомъ. При въѣздѣ въ селенье, васъ спрашиваютъ:—Хотите ли вы тутъ ночевать, или поѣдете дальше?—Если вы хотите остановиться, то васъ ведутъ въ Комитетъ, т.-е. подвозятъ къ домику, на которомъ надпись „Комитетъ", но вамъ ничего тутъ не напомнитъ о какомъ-нибудь заведеніи, а вы взойдете въ хорошенькую станцію, гдѣ можно отдохнуть. Если же вы скажете, что ѣдете дальше, то побѣгутъ въ поле ловить лошадей. И всегда это продолжается довольно долго, сначала лишь побѣгутъ со всѣхъ ногъ, а уже съ половины идутъ очень тихо, да и закладываютъ очень медленно.

Вотъ въ Уманѣ мы остановились ночевать, но не для того, чтобы отдохнуть, а потому, что la tentation était trop forte, чтобъ рано утромъ ѣхать посмотрѣть извѣстную Софіевку, великолѣпный садъ графовъ Потоцкихъ. И въ 7-мъ часу, взявъ извозчика, мы поѣхали туда. У меня же было отъ брата письмо къ завѣдывающему тамъ офицеру.

По хорошей дорогѣ мы быстро туда поѣхали по хорошенькому городку, разбросанному очень живописно по склону горъ. Сада не стану описывать; онъ извѣстенъ. Скажу только, что все было очаровательно, и мы съ наслажденіемъ проходили тамъ болѣе пяти часовъ. Мнѣ дали нѣсколько горшечковъ съ микроскопическими кактусами (одинъ изъ нихъ до сихъ поръ ведется у меня и стоитъ на моемъ окнѣ).

Вернувшись, мы сейчасъ поѣхали дальше. Стало очень жарко, но что за красивые лѣса или, лучше сказать, рощи! Точно ѣдешь по парку; огромные дубы, ясени, клены—то стоятъ отдѣльно, то составляютъ прекрасныя группы, а между ними свѣжія, зеленыя полянки. Дорога проселочная, мягкая, узкая, извивается среди деревьевъ. Но стало скоро темнѣть, надвинулись тучи, заблистала молнія, а тутъ начались такія крутыя горы, что пришлось выходить изъ тарантаса. На одномъ спускѣ я спрашиваю: далеко ли до станціи?

— Верстъ восемь, да дорога очень дурна, все горы.

Стало совсѣмъ темно, и молнія стала еще ослѣпительнѣе. Хорошо еще, что мы ѣхали тихо, а то тарантасъ началъ вдругъ склоняться, да совсѣмъ и опрокинулся, но такъ тихо, что все было цѣло. Но вотъ бѣда, надо его подымать. Къ счастью, тутъ близко оказался шинокъ; оттуда мы позвали на помощь. Я на-

шла, что если шинокъ и очень вреденъ для нравственности, то очень полезенъ для проѣзжающихъ. И нѣсколько разъ на крутыхъ горахъ въ совершенныхъ потемкахъ приходилось пѣшкомъ по грязи и спускаться, и подниматься, потому что лошади съ трудомъ тащили тарантасъ.

Наконецъ, мы въѣхали въ густую аллею. Молнія опять засверкала, опять остановка—переправа, паро̀мъ, но паромъ прекрасный и уже въ деревнѣ.

Ямщикъ намъ говоритъ:—А за то къ какому дому я васъ привезу! Гдѣ останавливался графъ Никитинъ!

И скоро мы подъѣхали къ прекрасному дому, и солдатъ съ тремя шевронами отворилъ намъ. Двѣ комнаты, хорошія, большія, изящно меблированныя; былъ и диванъ, и кровать, съ великолѣпнымъ тюфякомъ, сторы, стеариновыя свѣчи. А Фрелихъ объявляетъ очень важно солдату, что, несмотря что полночь, генеральшѣ надо самоваръ. Я въ такихъ случаяхъ оставляю его такъ себя величать, зная, что это магически подѣйствуетъ на солдата, который привыкъ, что для генерала нѣтъ ничего невозможнаго. И черезъ полчаса онъ явился съ самоваромъ, чайникомъ, стаканами и даже съ серебряными ложечками.

Когда мы усѣлись за чай, я спросила сестру:—А что̀, Наталья Александровна, вѣдь этого съ нами бы не случилось, если бы, какъ то слѣдовало, мы не потеряли пяти часовъ на прогулку. Мы засвѣтло не только были бы здѣсь, но и въ Тульчинѣ у сестеръ.

— Нѣтъ, я не жалѣю. Все кончилось благополучно, а садъ прелестный.—А я тѣмъ болѣе не жалѣю, что мнѣ давно хотѣлось видѣть этотъ садъ.

И, несмотря на паденье, грозу, дождь и грязь, мы, очень довольныя, хорошо отдохнули въ прекрасной квартирѣ графа Никитина.

На другой день мы рано утромъ были въ Тульчинѣ. Тогда это былъ грязненькій еврейскій городокъ. Тутъ тоже имѣніе гр. Потоцкаго, но изъ другихъ Потоцкихъ. Имѣнье было тоже подъ опекой, но не за политическія дѣла, а за глупые и безобразные поступки.

Въ большомъ каменномъ домѣ съ большимъ, но совершенно запущеннымъ садомъ, жилъ съ семействомъ какой-то генералъ, опекунъ этого имѣнья. Въ большихъ флигеляхъ, окружающихъ большой дворъ, помѣщались и сестры, и госпиталь. Больныхъ было немного. Но что̀ сказать о сестрахъ? Да лучше ничего не говорить. Это были послѣднія присланныя и приготовлен-

ныя m-me Кантъ. Сестра, которая была послана ей какъ старшая, скоро сама отказалась, говоря, что она вполнѣ сознаетъ свою неспособность. Когда я пріѣхала, двѣ сестры исполняли свои обязанности. Онѣ были изъ прежнихъ сестеръ, были въ Севастополѣ, и та именно, которая себя считала старшей, была разъ прислана съ Сѣверной къ намъ на перевязочный пунктъ, но мы черезъ недѣлю, за ея нерасторопность и мѣшковатость, отправили обратно. Другая, которая считалась ея помощницей, была очень добрая и хорошая сестра, простая, безъ всякаго воспитанія, и прочія были въ такомъ же родѣ. Это меня очень огорчило и испугало за будущее. Что̀ же я найду въ Петербургѣ? Даже страшно было подумать, и я старалась остановить свои мысли на поѣздкѣ въ Москву, гдѣ увижу родныхъ и знакомыхъ.

Я не долго оставалась въ Тульчинѣ, чувствуя и сознавая совершенную невозможность тутъ что-нибудь сдѣлать; постаралась только въ матеріальномъ отношеніи устроить сестеръ лучше и, чтобъ онѣ имѣли возможность хоть чѣмъ-нибудь утѣшать больныхъ, пошла, накупила имъ сахару, чаю. Я помню, какъ за мной бѣгали жиды, когда я начала покупать сахаръ пудами, а чай нѣсколькими фунтами.

И что̀ это были за лавчонки! Рядомъ съ чаемъ лежали сальныя свѣчи, а возлѣ головъ сахару стояли бочки съ дегтемъ.

Очень просила генерала покровительствовать сестрамъ, и онъ, и его очень милое семейство, были всегда очень внимательны къ сестрамъ. И я у нихъ нѣсколько разъ была, а что̀ меня еще нѣсколько успокоивало, это — говорили, что госпиталь очень скоро закроется.

15-го, я уѣхала въ Бѣлую-Церковь, гдѣ у своего брата, тоже священника, находился нашъ батюшка, отецъ Арсеній, который долженъ былъ ѣхать съ нами въ Петербургъ, куда его приглашала великая княгиня. Мы провели тутъ двѣ ночи, такъ какъ священнику надо было собраться въ дорогу.

Мы осмотрѣли все, что̀ было замѣчательнаго въ этомъ извѣстномъ имѣніи князей Браницкихъ, долго гуляли въ обширномъ и тѣнистомъ саду, но онъ не такъ изященъ и не такъ красивъ, какъ причудливо устроенный, съ разными затѣями и неожиданностями, уманскій садъ. Тамъ мраморныя статуи и бюсты очень хорошо отдѣляются на густой и разнообразной зелени, а въ этомъ саду статуи бронзовыя и ихъ зеленоватый оттѣнокъ не такъ ясно выдѣляется на окружающей ихъ листвѣ.

Оранжереи большія и великолѣпныя, а высокія деревья, Da-

tura arborea, были покрыты душистыми, огромными, бѣлыми цвѣтами, что̀ придавало имъ совершенно тропическій видъ.

Вечеромъ 17-го мы были въ Кіевѣ и остались тамъ двѣ ночи, такъ какъ нашему священнику очень хотѣлось служить въ пещерахъ обѣдню, а для этого ему надо было ѣхать къ митрополиту, который жилъ тогда на дачѣ, чтобъ получить на это разрѣшеніе. Разумѣется, онъ его получилъ.

Мы остановились въ страннопріимномъ домѣ Лавры, и поэтому намъ было удобно ходить на службу въ церкви.

И вотъ рано утромъ 19-го, чему я была очень рада, такъ какъ это день моего рожденія, мы слушали обѣдню въ маленькой пещерной церкви. Служилъ нашъ отецъ Арсеній съ монахами, а въ церкви были только мы двѣ и нашъ унтеръ-офицеръ. Было что-то спокойно-таинственное въ этой службѣ...

Послѣ обѣда мы, 19-го, выѣхали, но, несмотря на то, что нигдѣ не останавливались, мы не скоро добрались до Москвы, такъ много было проѣзжихъ, такой былъ разгонъ лошадей, что мы часто ждали на станціяхъ, или намъ приводили такихъ измученныхъ крестьянскихъ лошадей, что жалко было на нихъ смотрѣть. И только 25-го, при великолѣпной погодѣ и блестящемъ солнцѣ, мы въѣхали въ Москву и сейчасъ же почувствовали всю торжественность этой минуты: мы встрѣтили герольдовъ въ ихъ великолѣпной одеждѣ съ конвоемъ; они объявляли народу, что на другой день будетъ коронація...

Сегодня—21-ое мая 1889 года, день именинъ великой княгини Елены Павловны; мнѣ такъ живо вспоминается, какъ мы разъ справляли этотъ день, были въ церкви на Каменномъ-Острову, которая рядомъ съ дворцовымъ садомъ. Мнѣ помнится, что это и было всего одинъ разъ, что великая княгиня проводила въ Петербургѣ этотъ день. Былъ Государь, Государыня и прочіе члены царской семьи,—всѣ проѣхали въ церковь. Я съ нѣсколькими сестрами была тоже у обѣдни. Помню, что погода была великолѣпная... И вотъ, вспомнивъ все это, я рѣшилась опять приняться за оставленныя записки и постараться описать, какъ помаленьку въ Петербургѣ начали служить сестры, и какъ община послѣ скитанья наконецъ устроилась въ томъ домѣ, гдѣ она и теперь находится. Итакъ, продолжаю.

Я остановилась въ моихъ воспоминаньяхъ—на моемъ пріѣздѣ въ Москву наканунѣ коронаціи. Помню, что въ день коронаціи я съ сестрой и съ знакомыми, у которыхъ остановилась, ходила

по Тверской до Кремля и потомъ къ одному нашему знакомому, изъ оконъ дома котораго была видна великолѣпно иллюминованная Театральная площадь.

Но странно,—глядя на эти торжественные огни, мнѣ все вспоминались тѣ ужасные огни, которые я видѣла ровно годъ тому назадъ!..

При всѣхъ торжествахъ коронаціи я не могла часто бывать у великой княгини. Кажется, была у нея раза два; разумѣется, рѣшили, что надо о всемъ говорить и все рѣшить, когда великая княгиня пріѣдетъ въ Петербургъ, по окончаніи всѣхъ празднествъ. А я знала, что въ концѣ сентября великая княгиня собирается уѣхать въ чужіе края, — и вотъ въ этотъ-то короткій промежутокъ надо было устроить общину.

Нашъ докторъ Тарасовъ, нѣкоторыя сестры изъ прежде уѣхавшихъ, которыя были отпущены повидаться съ родными, также или были въ Москвѣ, или пріѣхали, чтобъ ѣхать вмѣстѣ со мной.

4-го сентября—мы выѣхали, и моя родная сестра со мной. Поѣздъ былъ огромный, такъ что нашъ вагонъ, семейный, только на самыхъ большихъ станціяхъ подъѣзжалъ къ платформамъ такъ, чтобы можно было изъ него выйти на станцію.

5-го мая—пріѣхали прямо въ домъ общины; только докторъ, священникъ и нашъ письмоводитель поѣхали на другія квартиры.

Первое, что̀ меня поразило, это слишкомъ маленькій размѣръ этого дома. Я не думала объ удобствахъ, но не было никакой возможности помѣстить ни на койкахъ, ни даже на полу въ повалку всѣхъ сестеръ, которыя должны были пріѣхать съ юга изъ военно-временныхъ госпиталей. Иныя изъ нихъ выходили изъ общины, но все-таки онѣ имѣли полное право пріѣхать въ общину отдохнуть и имѣть въ ней пріютъ хоть на нѣсколько дней.

Домъ общины находился на Петербургской и сначала испытуемыя ходили учиться и приготовляться во Второй Сухопутный госпиталь. Теперь же сестры служили въ двухъ чернорабочихъ больницахъ; одна помѣщалась у Сухарнаго моста въ исправительномъ заведеніи и занимала въ немъ средній этажъ. Хотя на дверяхъ было написано: *Временное помѣщеніе чернорабочей больницы*, но когда мы туда поступили, это „временное", кажется, уже продолжалось 18-ть лѣтъ. Не знаю, сколько времени оно послѣ меня продолжалось. Думаю, что до тѣхъ поръ, какъ выстроили Александровскую больницу, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ была

другая больница чернорабочихъ. Она помѣщалась въ домѣ Синебрюхова. Въ верхнемъ этажѣ были красивыя, высокія комнаты и круглыя съ колоннами, но въ нижнемъ—небольшія, низкія, противъ всѣхъ правилъ гигіены, какъ ныньче говорятъ. Итакъ, въ эти два госпиталя ѣздили сестры всякій день на суточное дежурство, а старшая сестра, Елизавета Петровна Карцева, должна была постоянно ѣздить то въ тотъ, то въ другой; съ Петербургской Стороны это было очень далеко.

Почти тамъ же, у Калинкина моста—Морской госпиталь, гдѣ жили четыре сестры, но все-таки надо было и надъ нимъ имѣть постоянный надзоръ.

Николай Ивановичъ Пироговъ жилъ еще въ Ораніенбаумѣ, когда я пріѣхала. Мы на другой же день съ Тарасовымъ поѣхали къ нему. Вотъ какъ съ нимъ, бывало, поговоришь, то опять и ободришься, и одушевишься!

Ѣздили мы тоже съ Елизаветой Петровной и Тарасовымъ и въ Кронштадтъ, такъ какъ туда просили сестеръ въ госпиталь. Госпиталь огромный, да еще отдѣленіе для чернорабочихъ, помѣщенное въ оборонительной казармѣ. Рѣшили, что надо будетъ еще разъ пріѣхать, когда установится зимній путь и съѣдутся всѣ сестры. Въ это время главною заботою былъ—домъ.

Ѣздили мы съ докторомъ Тарасовымъ нѣсколько разъ съ одного конца города на другой, узнавали, посылали, но ничего подходящаго не нашли. А великая княгиня пріѣхала изъ Москвы и собиралась уѣхать въ чужіе края на зиму, а можетъ быть и на годъ. Сестры начинали собираться, а мы все были въ этомъ несчастномъ домикѣ.

Вдругъ великая княгиня объявила, что она помѣщаетъ общину въ Михайловскомъ дворцѣ; что главное помѣщеніе въ правомъ флигелѣ дворца (лѣвый флигель занимаетъ великая княгиня Екатерина Михайловна), и что будутъ еще отведены другія помѣщенія для сестеръ, по мѣрѣ того, какъ сестры будутъ собираться. Моей сестрѣ тоже давалась одна изъ фрейлинскихъ квартиръ.

Съ m-me Кантъ у меня съ первыхъ же дней вышла размолвка; она стала мнѣ говорить, что она полноправна во всемъ домашнемъ управленіи, а я ей сказала, что она—только моя помощница и просила ее для поясненія того поѣхать спросить у великой княгини. Результатъ этой поѣздки былъ тотъ, что ее взяли въ кастелянши Михайловскаго дворца.

Великая княгиня уѣхала въ концѣ сентября, а мы въ началѣ октября переѣхали во дворецъ. Сестеръ и испытуемыхъ пере-

ѣхало во дворецъ 39. Были тутъ изъ всѣхъ отдѣленій, даже изъ финляндскаго.

8-го октября, пріѣхала сестра М. И. Алексѣева изъ Симферополя съ 26-ю сестрами; 11-го октября, изъ Херсона—В. И. Щедрина съ 20-ю сестрами, а 27-го октября, изъ военныхъ поселеній—Е. О. Будбергъ, Кояндеръ и съ ними 24 сестры. Но тутъ пошли безпрестанныя перемѣны: иныя сейчасъ же выходили, другія доживали свой годовой срокъ. Въ ноябрѣ, декабрѣ и слѣдующихъ мѣсяцахъ вступили прежнія; вступили и новыя, и очень хорошія, и такія, которыя сейчасъ же выходили. Иногда престранныя являлись личности. Помню, какъ одна долго у меня сидѣла, все разспрашивала, но когда я ей сказала, что сестры не получаютъ жалованья, она быстро вскочила и закричала: — Какъ! Я, дворянка, буду ходить за чернорабочими и не получать за это платы? Это слишкомъ унизительно при моемъ званіи! Вотъ понятія!

Чтобъ кончить вообще о сестрахъ, я скажу, что я должна была вытребовать 243 бронзовыя медали на голубой лентѣ въ память войны и разослать ихъ прежде вышедшимъ—въ Херсонъ, Одессу и др. мѣста. Умершихъ же сестеръ было въ Севастополѣ 4, въ Симферополѣ 4 или 5 (навѣрное не помню), одна на Бельбекѣ и одна въ Елисаветградѣ. Точно не могу сказать, но, кажется, ни въ Херсонѣ, ни въ Николаевѣ, слава Богу, не было умершихъ.

Скоро, однако, и въ Петербургѣ сестры начали хворать; занемогала то та, то другая; умерла только одна испытуемая отъ воспаленія мозга. Мнѣ это очень памятно. Я получила разрѣшеніе ѣхать въ Шлиссельбургъ—повидаться съ двоюроднымъ братомъ Михаиломъ Бакунинымъ. Ѣхать туда со мной было разрѣшено его родному брату. И вотъ, болѣзнь и смерть этой молодой и, какъ мнѣ помнится, хорошенькой дѣвушки, задержала меня болѣе чѣмъ на недѣлю. Однако эта задержка намъ не помѣшала видѣть М. Бакунина, и я съ благодарностью вспоминаю милое семейство коменданта, въ которомъ я провела два дня въ Шлиссельбургѣ.

Смерть этой бѣдной дѣвушки, которая умерла вовсе не отъ тифа, а еще болѣе болѣзнь и смерть m-me Шибель, навели на Михайловскій дворецъ совершенную панику. Но однако я помню, что въ это время за какимъ-то дѣломъ великая княгиня Екатерина Михайловна призывала меня къ себѣ и была очень любезна и внимательна.

Въ началѣ 1857 года, сестры поступили на служеніе въ Крон-

штадтъ. Много было объ этомъ разговоровъ, хлопотъ. Намъ наняли домъ небольшой, въ два этажа, но что̀ было хорошо — домъ былъ у самаго госпиталя. О нашемъ устройствѣ очень любезно и внимательно хлопоталъ полковникъ Иванъ Петровичъ Комаровскій, тотъ самый, который первый насъ пріютилъ по пріѣздѣ въ Севастополь.

Онъ и тамъ былъ смотрителемъ госпиталя, и теперь былъ тѣмъ же при кронштадтскомъ госпиталѣ. Доктора иные были довольны, а другіе, и во главѣ ихъ главный докторъ Ланге, faisaient bonne mine à mauvais jeu. Сестры очень усердно принялись за дѣло. Но мы, разсуждая и толкуя въ нашемъ комитетѣ и посылая наши журналы въ чужіе края къ великой княгинѣ (Николай Ивановичъ въ это время уже уѣхалъ въ Кіевъ), сдѣлали великую ошибку, воображая, что будетъ очень хорошо послать въ Кронштадтъ двухъ какъ старшихъ на равныхъ правахъ, и думая, что тѣ качества, которыхъ нѣтъ у одной, пополнятся тѣми, которыя есть у другой, а недостатки этой будутъ поправляться качествами, которыя есть у той.

И что̀ жъ?! Эта комбинація, которая намъ казалась очень хороша, вышла совершенно непрактична. Слава Богу, не было у нихъ сильныхъ столкновеній, но какъ-то все не ладилось, были des tiraillements, и обѣ были недовольны. Одна изъ нихъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ вернулась въ общину.

Въ эту же зиму 1857 года были у насъ—не знаю, какъ назвать—комитеты или совѣщанія у генерала Притвица, или у генерала Кнорринга,—не помню, у котораго изъ нихъ на квартирѣ, но оба были тутъ, и еще былъ князь Викторъ Илларіоновичъ Васильчиковъ, какой-то интендантскій генералъ Сорока, я и докторъ Тарасовъ.

Толковали мы о томъ, на какихъ правахъ и при какихъ условіяхъ сестры могутъ поступить въ военные госпитали; они даже говорили, что надо принять во всѣ, въ Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и другихъ городахъ. Но по числу сестеръ мы и на одинъ городъ не имѣли,—и вышло, что толковать собирались нѣсколько разъ, да на томъ и остались.

Привожу письмо Николая Ивановича, писанное по этому поводу. У меня копія была списана сейчасъ же, а оригиналъ остался у доктора Тарасова:

„Почтеннѣйшій Василій Ивановичъ и почтеннѣйшая сестра-настоятельница Екатерина Михайловна!—Я нарочно пишу къ вамъ обоимъ вмѣстѣ одно посланіе, какъ къ двумъ самымъ главнымъ столпамъ Крестовоздвиженской общины, и увы! вмѣстѣ съ вами

же долженъ горевать о предстоящей ей будущности. Слишкомъ быстро принимаетъ она громадные размѣры; громадное въ Россіи быстро деморализуется. Но чѣмъ труднѣе обстоятельство, тѣмъ тверже надо противустоять. Я вижу изъ письма Екатерины Михайловны, что ей подчасъ невесело бываетъ, но какъ же быть? Не бросать же изъ-за этого все хорошее, не бросать же все будущее вонъ изъ окна, потому только, что настоящее не слишкомъ утѣшительно! Я знаю, вы отвѣтите,—и въ будущемъ нѣтъ ничего привлекательнаго! Но будемъ осторожнѣе въ сужденіяхъ о томъ, что̀ не всегда совершается по неизбѣжнымъ законамъ ума и опыта. Какъ бы съ одной стороны ни было грустно, что такое великое дѣло, какъ введеніе женскаго надзора въ наши госпитали, при самомъ его началѣ начинаетъ уже хромать и портиться,—все-таки сдѣланъ шагъ впередъ, и какъ бы ни было сильно противодѣйствіе, какъ бы плохо благая цѣль ни исполнялась,—твердый характеръ, благородство души и прямодушіе настоятельницы еще много успѣютъ сдѣлать и по крайней мѣрѣ не допустятъ заплеснѣвшее перейти въ гнилость. Я впрочемъ боюсь теперь не столько противодѣйствія для общины со стороны госпитальнаго начальства, сколько другого—деморализаціи отъ лести и интереса. Не всѣ будутъ такъ трусливы, какъ главный докторъ московскаго госпиталя, который уже теперь общину величаетъ тайнымъ обществомъ и хочетъ ее передать въ руки тайной полиціи; найдутся люди поумнѣе; петербургскіе госпитальные дипломаты будутъ иначе дѣйствовать; они лучше знакомы со слабостями человѣческой натуры.

„Если община будетъ наконецъ введена въ военные петербургскіе госпитали, то я бы совѣтовалъ поручить ихъ непремѣнно Елизаветѣ Петровнѣ (Карцевой),—никому другому. Напишите мнѣ, ради Бога, что̀ придумаетъ комитетъ министровъ, и какъ онъ опредѣлитъ отношенія общины къ военнымъ госпиталямъ; это конечно еще не главное (главное—каковы будутъ сестры), но изъ этого можно уже будеть видѣть, разнюхали ли они, въ чемъ состоитъ дѣло. Вамъ надобно было вступить въ переговоры съ русскими піэтистками; изъ этого класса надобно было бы привлечь кандидатокъ для общины; между ними есть, правда, много гипокритства; но это изъ всѣхъ пороковъ сестеръ есть еще самый простительный,—слишкомъ строгими въ выборѣ вамъ теперь уже нельзя быть поневолѣ! Постарайтесь теперь по крайней мѣрѣ при предстоящихъ средствахъ улучшить матеріальную сторону сестеръ и хотя черезъ это сдѣлать ихъ менѣе доступными къ деморализаціи; а то, вы увидите, будутъ брать взятки!

„Ко мнѣ приходятъ нерѣдко сестры, бывшія въ общинѣ у сестры Щедриной, плачутся на горькое ихъ положеніе, одна изъ нихъ,—знаемая Ек. Ал. Хитровой, фамиліи не припомню,—особливо жаловалась на Щедрину и говорила, что община ее руинировала совершенно; одну, съ лишаемъ на носу, мы кое-какъ выпроводили въ Кіевъ; одна, которая просила великую княгиню объ опредѣленіи ея сына въ школу, была у меня. Я уже два раза писалъ градоначальнику Алопеусу, чтобы онъ помѣстилъ ея сына въ пріютъ; у насъ въ училищѣ нѣтъ вакантныхъ и казенныхъ мѣстъ, но отвѣта еще не получалъ.

„Что касается до Одессы, то въ настоящее время ее характеризуютъ три превосходныя качества: грязь, воровство и дороговизна. Первое оттого, что для мощенія улицъ употребляютъ вмѣсто камня муку; второе—благодаря усиліямъ Воронцова и Ѳедорова—населить край безпаспортными, а третье ужъ Богъ знаетъ почему, говорятъ—будто бы война и жиды.

„Сдѣлайте одолженіе, похлопочите переслать фрейлинѣ Раденъ мое письмо; но пожалуйста черезъ вѣрныя руки, черезъ курьера, и поскорѣй изъ придворной конторы.

„Надѣюсь, что ни Екатерина Михайловна, ни вы меня не забудете и будете оба меня извѣщать, а я, если не дѣломъ, то словомъ, или чѣмъ могу, остаюсь вамъ вѣрнымъ и готовымъ для васъ.—Вамъ навсегда преданный—Пироговъ“.

Одесса.
1857 г.? 14-го дня.

Увидала я сейчасъ, разбирая письма Николая Ивановича, что въ одномъ очень коротенькомъ письмѣ о какой-то сиротѣ, которую надо было помѣстить (письмо, отъ 5-го февраля 1857), онъ меня спрашиваетъ: „Перестали ли вы грустить о томъ, что вы настоятельница“? Я никогда не перестала—и отъ этого и оставила общину.

Въ началѣ марта, я начала получать очень мучительныя письма отъ Э. Ѳ. Раденъ. Паника Михайловскаго дворца дошла до чужихъ краевъ. Великая княгиня Елена Павловна очень волновалась. Письма ко мнѣ были очень длинныя, наполненныя тѣмъ, что слухи о болѣзняхъ сестеръ, о зараженіи нами дворца, распространились по всему Петербургу, дошли до Берлина, до Штутгарта.

Э. Ѳ. Раденъ писала: „Que la Grande-Duchesse a fait une chose extraordinaire en logeant les soeurs dans le palais, une

chose sans précédent et qui a dû exercer une grande influence morale sur la position de l'Община".

(„Великая княгиня совершила поступокъ необыкновенный, помѣстивъ сестеръ во дворцѣ,—поступокъ безпримѣрный, который долженъ былъ оказать сильное нравственное вліяніе на положеніе Общины".)

Съ этимъ я совершенно согласна, но все-таки я была сильно поражена, когда г. Гартманъ,—не помню, какой собственно былъ его оффиціальный титулъ, но помню, что онъ всѣмъ завѣдывалъ во дворцѣ,—пришелъ мнѣ сказать, что великая княгиня приказала ему приготовить какую-то квартиру, которая еще прежде была нанята великой княгиней, и что занемогшихъ сестеръ надо отправлять туда. Это меня поразило. Распоряженіе пришло прямо къ Гартману, даже не сообщенное мнѣ, и потомъ—отправлять больную именно тогда, когда ей дѣлается хуже,—вѣдь это можетъ убить! Мнѣ такъ и вспомнился домъ Гущина de terrible mémoire!

Я, какъ то видно по отвѣту Раденъ, все это ей живо написала. И она мнѣ пишетъ длинное письмо, и въ немъ тѣ слова, которыя меня тогда поставили въ ужасное положеніе: „Madame la Grande-Duchesse me charge de vous dire qu'elle est loin de vouloir imposer cette mesure à l'Община. Elle vous a dit ses motif, ses craintes. Vous comprenez le sentiment maternel qui la rend responsable devant son propre coeur. Eh bien, Son Altesse vous laisse à vous même le soin de peser le pour et le contre en cas de maladies des soeurs et s'en remet avec la plus grande confiance à ce que votre conscience vous dictera pour agir". („Великая княгиня поручаетъ мнѣ сказать вамъ, что она далеко не желаетъ примѣнить эти мѣры къ общинѣ. Она высказала вамъ свои мотивы, свои опасенія. Вы поймете материнское чувство, которое дѣлаетъ ее отвѣтственной передъ собственнымъ сердцемъ. Итакъ, ея высочество предоставляетъ вамъ взвѣсить за и противъ въ случаѣ болѣзни сестеръ и *полагается вполнѣ на то, что вамъ внушитъ ваша совѣсть*".)

Я живо и теперь помню, въ какомъ я была ужасномъ, нерѣшительномъ состояніи, прочитавъ эти слова. Это было вечеромъ; и докторъ Тарасовъ, и я, мы сидѣли другъ противъ друга, повторяя то тотъ, то другой:—Что̀ же мы сдѣлаемъ? На что рѣшиться?—Въ это время одна изъ сестеръ екатеринославскаго отдѣленія была очень больна.

И наконецъ рѣшили: утро вечера мудренѣе! Что̀-то будетъ утромъ? Но, слава Богу, больной ночью стало лучше, черезъ

нѣсколько дней она совсѣмъ поправилась, и больныхъ больше во дворцѣ не было.

Зато многія сестры занемогали въ Кронштадтѣ и даже двѣ умерли. Я туда ѣздила очень часто, пока былъ зимній путь, но потомъ необходимо было ждать пароходовъ, и то я помню, что разъ я съѣздила туда на пароходѣ, но потомъ, черезъ недѣлю, опять собралась: погода была холодная, сырая, мы вышли изъ устья Невы, потолкались, потолкались между льдовъ и дали задняго ходу, и хорошо, что успѣли вернуться, такъ какъ пошелъ огромный ледъ изъ Ладожскаго озера.

Лѣто 1857 года прошло благополучно. О маленькихъ непріятностяхъ, неважныхъ неурядицахъ — нечего и вспоминать. Были новыя сестры, которыя входили и выходили; входили тоже изъ прежнихъ сестеръ, но это всегда было и будетъ.

Но, слава Богу, сестры были здоровы и постоянно и усердно работали въ двухъ чернорабочихъ больницахъ. Иныя уѣзжали въ отпускъ на мѣсяцъ, на два, чтобы отдохнуть и совсѣмъ поправиться. Кронштадтскія сестры переѣхали въ морскіе бараки, Ключинскіе, куда перевозятъ больныхъ цынготныхъ съ мелкими язвами и хрониковъ, которымъ нуженъ хорошій воздухъ для поправленія.

Мѣстоположеніе очень хорошее, на возвышенности, березовая роща; сестры имѣли небольшой домикъ. Сестеръ тамъ могло помѣщаться только четыре, но онѣ мѣнялись, чтобъ всѣмъ подышать хорошимъ воздухомъ. Это верстъ восемь отъ Ораніенбаума по шоссе—красивая дорога. А изъ Кронштадта въ Ораніенбаумъ также очень удобно и пріятно ѣздить на небольшихъ пароходахъ, которые тогда тутъ ходили нѣсколько разъ въ день.

Въ чернорабочій, что̀ у Египетскаго моста, въ іюлѣ къ намъ перевели не помню изъ какой больницы 100 женщинъ. Много изъ этого было хлопотъ съ ними ладить. Да и иныя сестры увѣряли, что очень тяжело и непріятно ходить за женщинами, тѣмъ болѣе, что онѣ были очень избалованы и своевольны. Скоро, однако, это все уладилось, и сестры также привязались къ своимъ больнымъ.

Но это извѣстно всѣмъ сестрамъ всѣхъ націй, что завести порядокъ и чистоту въ женскомъ отдѣленіи очень трудно. Тутъ женская „домовитость“, какъ ни трудно, а все же проявляется въ томъ, что многія стараются у себя подъ кроватью завести что-то въ родѣ хозяйства, и чашечки, и тарелочки, и разное тряпье, которое упорно прячутъ и сохраняютъ...

Теперь постараюсь возстановить въ моей памяти то, что̀ мною было передумано и перечувствовано въ продолженіе всего этого времени. Я не думала, что могу теперь это сдѣлать, но, разбирая письма Э. Ѳ. Раденъ и Н. И. Пирогова, я нашла нѣсколько листочковъ и моихъ черновыхъ писемъ къ нимъ. Буду этимъ пользоваться и приводить отвѣты Ник. Иван. на мои письма. Онъ тоже, какъ тѣ, на которыхъ жалуется Тургеневъ, писалъ часто безъ года и числа,[1] а потому очень трудно опредѣлить, когда именно было писано то или другое. Думаю, что слѣдующее, приводимое мной, письмо было написано имъ въ 1857 году.

„9-го октября (1857?). Одесса. — Почтеннѣйшая сестра-настоятельница Екатерина Михайловна! Изъ писемъ вашихъ ясно видно, что вы въ разладѣ съ вами же самими. Избѣгайте видѣть одну только худую сторону. Я не хочу этимъ сказать, что отъ худого должно закрывать глаза. Нѣтъ, смотрите худому прямо въ глаза, знайте всю его подноготную, но не выбрасывайте изъ окна и хорошаго. Очевидно, что община, которой вы служите настоятельницей, не могла по ея происхожденію, развитію и всей обстановкѣ быть тѣмъ, чѣмъ она должна бы была быть. Но развѣ она уже дѣйствительно такъ худа и безобразна, и ненормальна, что должна непремѣнно разрушиться? Развѣ вы сами (вы знаете, я льстить не люблю), развѣ Елизавета Петровна и еще двѣ—три сестры обязаны не общинѣ обнаруженіемъ своихъ достоинствъ? Не будь общины, и всѣ эти личности скрывались бы въ хаосѣ общества. Община еще далеко не исполнила всѣхъ ея высокихъ обязанностей, далеко еще не достигаетъ цѣли, но все-таки она сдѣлала многое нежданное, до ея основанія невиданное, и эту хорошую сторону общины надо постоянно имѣть въ виду, и, имѣя въ виду, идти, идти и идти впередъ, не скрывая худого, поставляя его всѣмъ на видъ, съ искреннимъ желаніемъ его исправить. Повѣрьте, при этомъ прямомъ и испытанномъ уже способѣ смотрѣть на общественныя учрежденія, рано или поздно все пойдетъ на ладъ.

„О! еслибы все худое можно было разомъ съ корнемъ вонъ выкинуть! Когда нельзя, то уцѣпимся обѣими руками, ногами и зубами за хорошее, еслибы даже оно такъ было мало и ломко, какъ соломинка; будемъ мучиться, сдеремъ кожу съ рукъ и ногъ, искрошимъ зубы, но не выпустимъ того, за что разъ ухватились. Больше ничего вамъ не умѣю сказать въ утѣшеніе. Мнѣ кажется, что при настоящемъ развитіи общины вамъ бы можно было учредить, хоть для 3-хъ, для 4-хъ сестеръ, искусъ, да порядочный, чтобы испытать, не удастся ли образовать еще двѣ,

три замѣчательныя и дѣльныя личности. Неужели въ цѣломъ русскомъ царствѣ не найдется двухъ или трехъ, которыя бы со славой выдержали трудное испытаніе, въ которыхъ бы не запала мысль о высокости дѣла и цѣли, въ которыхъ бы не пробудилось сознаніе, что можно жить и другой жизнью, не похожей на ежедневную? Я все еще не потерялъ эту вѣру и равно вѣрю въ зло и въ добро, врожденное человѣку. А если вамъ удастся, несмотря на всѣ препятствія, образовать черезъ нравственный искусъ вашими стараніями и наблюденіями такихъ двухъ, трехъ избранныхъ, то вы уже исполнили ваше призваніе и должны будете благодарить только Бога, что онъ послалъ васъ туда, гдѣ вы были нужны. Не предавайтесь отчаянію и безвѣрію въ хорошее, это—модная болѣзнь нашего общества, очень понятная, неизбѣжная, чисто нервная, и, какъ всѣ нервныя болѣзни, требующая воли со стороны больныхъ, чтобъ ей не совсѣмъ поддаться. Пусть же покуда бо̀льшая часть сестеръ занимается себѣ, худо ли, хорошо ли, въ госпиталяхъ, но выберите двухъ, трехъ, возьмите ихъ подъ свое крыло, растолкайте, разбудите, испытайте въ тиши, но глубоко; можетъ быть, Богъ и поможетъ вамъ; это будетъ самая прекрасная сторона вашей дѣятельности въ пользу общины и всего человѣчества, а вамъ въ утѣшеніе на трудномъ пути.

„Ѣду въ Екатеринославъ и Таганрогъ завтра. Надѣюсь вернуться черезъ три недѣли. Не забывайте меня. Жена вамъ кланяется и скоро соберется сама вамъ написать; она благодаритъ васъ за Алексѣеву.—Вамъ преданный *Пироговъ*“.

Это былъ отвѣтъ на мое письмо, писанное 16-го сентября, гдѣ я писала: „Сегодня годъ, что я въ Петербургѣ, годъ, что община здѣсь. Тяжело тянулся этотъ годъ. И что̀ же принесъ онъ намъ? Подвинулись ли мы впередъ? Право, не знаю, даже думаю противное“...

Потомъ я вспоминаю въ письмѣ, какъ годъ тому назадъ я ѣздила къ Николаю Ивановичу въ Ораніенбаумъ; какія тогда были высокія мечты, свѣтлыя надежды!..

„Но что̀ жъ я дѣлала въ этотъ годъ! Ничего, а можетъ быть и хуже, чѣмъ ничего. Мучилась, хлопотала, досадовала и горевала. Съ одной стороны, идеальныя, непримѣнимыя къ намъ теоріи, съ другой—матеріальная пошлость, жадность, глупость! Всѣ высокія мысли разбились въ прахъ объ неумолимую дѣйствительность. Только въ госпиталѣ, у постели больныхъ, видя сестеръ, свято исполняющихъ свои обязанности, и слыша благодарныя слова страдальцевъ, я отдыхаю душой“...

Я уже въ этомъ письмѣ писала, что не считаю себя ни способной, ни достойной устроить такое великое дѣло. Я привожу теперь эти строки, чтобы показать, какъ скоро я потеряла мои иллюзіи и какъ мало надѣялась на себя.

Привожу еще письмо Николая Ивановича, такъ какъ оно было тоже отвѣтомъ на такія же грустныя и тяжелыя мысли, которыя постоянно меня волновали; оно, должно быть, было писано уже въ 1858 году 18 апрѣля.

„Одесса. 18 апр. (1858?). — Почтеннѣйшая сестра-настоятельница, Екатерина Михайловна! Я вамъ давно не писалъ, потому что былъ по горло занятъ и дѣломъ, и бездѣльемъ. Для чего вы это все грустите? Вы знаете:

Кто все плачетъ, все вздыхаетъ,
Вѣчно смотритъ сентябремъ,
Тотъ науки жить не знаетъ...

„Полноте! если-бъ я вздумалъ вздыхать обо всемъ, что̀ у меня дѣлается, я весь превратился бы въ одинъ вздохъ.

„Идеалъ мы никогда не должны выпускать изъ мысли и изъ сердца; онъ долженъ быть намъ постояннымъ путеводителемъ; но требовать, чтобы онъ исполнялся по мѣрѣ нашихъ горячихъ желаній, а если не исполняется, то сѣтовать и грустить — недостойно такого характера, какъ вашъ.

„Мы свѣта не перемѣнимъ, а потому должны его брать какъ онъ есть, только не поддаваться ему и ясно видѣть, что̀ въ немъ наше, что̀ чужое. Ясно же видѣть можно только тогда, когда сохранимъ все присутствіе духа, не омраченнаго скорбью и сѣтованіемъ о несовершенствахъ свѣта. Вы сами пишете, что у васъ есть нѣсколько хорошихъ сестеръ,—ну и слава Богу! Будьте пока довольны и этимъ, и того уже довольно. Хорошее съ трудомъ рождается на свѣтъ. Будь это хорошее хоть съ соломинку величиной,—раздосадовавши на худое, не упустите и эту соломинку изъ рукъ. Посмотрите вокругъ себя—вѣдь новое потокомъ льется къ нашему старому. Старые мѣхи должны лопнуть, наконецъ, отъ новаго вина. Другое дѣло,—если вы убѣдитесь совершенно, что васъ хотятъ заставить дѣйствовать по началамъ діаметрально противоположнымъ съ вашими. Тогда и я васъ не буду удерживать; бросьте все и сохраните душу! Но покуда это еще не рѣшено, подождите и убѣдитесь хладнокровно, не возмущаясь. Нѣтъ сомнѣнія, что при *извѣстныхъ условіяхъ* вы, съ вашими твердыми убѣжденіями и съ вашимъ искреннимъ желаніемъ дѣлать добро, можете и должны быть полезны на томъ

мѣстѣ, которое занимаете. Это я знаю, как дважды два—четыре. Главное дѣло состоитъ въ томъ, узнать—соблюдены ли и существуютъ ли эти условія; если ихъ вовсе уже нѣтъ, если вы убѣдились единожды и убѣдились совершенно хладнокровно въ невозможности ихъ осуществленія, тогда не оставайтесь ни на минуту, но—только тогда. Могли ли вы въ самомъ дѣлѣ думать, что въ общинѣ будетъ хорошо, когда ея основанія еще очевидно такъ шатко поставлены; поколѣніе, которое передъ вами, не годится никуда; оно и въ подметки не годится быть настоящимъ сестрамъ. Это ясно—и не могло быть иначе. Думайте только о будущемъ и старайтесь во что бы то ни стало пріобрѣсти эти условія, хоть съ боя—для лучшаго будущаго. Не пріобрѣтете этихъ условій—уходите, ваша роль тогда кончена, и Провидѣнію не угодно было предоставить вамъ жить въ будущемъ.

„Подождите, что̀ скажетъ великая княгиня. Ея fond содержитъ въ себѣ много превосходнаго; она принадлежитъ не къ дюжиннымъ личностямъ, и если что̀ можно сдѣлать хорошаго, то именно черезъ нее. Всѐ зависитъ теперь отъ того, какъ бы изъ нея извлечь это хорошее. Дѣйствуйте осторожнѣе, не для себя, а для будущаго всего дѣла, слѣдствія котораго неисчислимы.

„Скажите Василью Ивановичу, чтобъ онъ мнѣ писалъ и меня не забывалъ; я всегда съ большимъ удовольствіемъ читаю его письма и всегда, всегда помню его; всегда буду знать и уважать какъ благороднаго и честнаго человѣка. Прочтите ему и мое письмо. Спѣшу послать на почту. Въ другое время напишу вамъ и больше.—Васъ искренно уважающій *Пироговъ*“.

Мы во все продолженіе весны и лѣта 1857 года ѣздили смотрѣть дома, если слышали или читали въ газетахъ о чемъ-нибудь подходящемъ. Но всѣ старанія оставались тщетными. Въ августѣ тоже были все напрасныя поѣздки за домами, но тутъ мы какъ-то успокоились, узнавъ, что великая княгиня остается зимовать за границей, и мы собирались совсѣмъ устроиться во дворцѣ. Хотѣли намъ поставить въ какой-нибудь залѣ особую походную церковь, дали еще кладовыя и подвалы для провизіи; казалось, нечего больше и хлопотать.

Но пріѣхала Е. П. Эл. и совершенно ошеломила меня, сказавъ:—J'ai cru ne pas trouver l'община ici. La Grande-Duchesse Hélène me l'a dit et elle l'a dit aussi à sa fille“ [1]).

И вотъ, во что̀ бы то ни стало, надо немедленно найти по-

---

[1]) Я полагала, что не найду общины здѣсь. Великая княгиня мнѣ это сказала. Она тоже сказала и своей дочери.

мѣщеніе и переѣхать. Скоро, pour dorer la pilule, былъ присланъ похвальный и очень любезный рескриптъ сестрамъ. Наконецъ, 13-го октября, мы наняли домъ Самойлова въ три этажа, на Фонтанкѣ между Калинкинымъ и Египетскимъ мостами. Хорошо, что домъ былъ въ центрѣ нашихъ госпиталей, но домъ каменный и только-что выстроенный. Меня очень пугало, что онъ будетъ сыръ и поэтому нездоровъ. Но, слава Богу, хотя онъ и былъ сыръ, мы прожили въ немъ благополучно, ни одна сестра не умерла, а мы оставались въ немъ годъ и восемь мѣсяцевъ. Надо было, однако, прежде сдѣлать разныя мелкія поправки, передѣлки, и мы переѣхали только въ концѣ ноября.

Намъ предстояло много хлопотъ устроиться въ новомъ домѣ. Въ немъ было три этажа, во всякомъ этажѣ по двѣ квартиры съ кухнями и пр.; такъ какъ этотъ домъ былъ выстроенъ именно для отдачи въ наемъ небольшихъ квартиръ и никакъ не годился подъ такое заведеніе, какъ наше, то только по той крайности, въ которую мы были поставлены, мы могли кое-какъ въ немъ пріютиться.

Въ самомъ верхнемъ этажѣ, въ очень небольшой и невысокой комнатѣ, была поставлена походная церковь, тутъ же и квартира для священника. Въ другой половинѣ этого же этажа квартира доктора Тарасова и комнаты для больныхъ сестеръ и моя комната (моя родная сестра жила въ одной комнатѣ со мной), а внизу одна квартира; кажется, ее кто-то занималъ эту зиму, самъ ли хозяинъ, или она была съ его вещами, не помню навѣрное, но вторую зиму ее нанимали у насъ мои двѣ родныя сестры.

На другой половинѣ внизу была наша столовая и жила сестра-хозяйка и ея помощница.

Хорошо, что лѣстницы были теплыя и сообщеніе этажей —удобное. Но это былъ настоящій casse-tête chinois — размѣстить и умѣстить кровати и коммоды сестеръ. Я теперь помню, какъ мы съ этимъ бились, и кое-какъ наконецъ все уладилось.

Въ началѣ декабря переѣхалъ къ намъ отецъ Іоаннъ Янышевъ. Хотя мы были и въ наемномъ домѣ, но все-таки были теперь болѣе у себя, чѣмъ во дворцѣ.

Екатерина Бакунина.

